

Луи Канлер

МЕМОУАРЫ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

Том I

F. R.

Париж XIX века. Преступления, расследования, тайны полиции

Луи Канлер

**Мемуары Канлера. Бывшего
начальника сыскной
полиции. Том II. Том I**

«Автор»

2026

Канлер Л.

Мемуары Канлера. Бывшего начальника сыскной полиции. Том II.
Том I / Л. Канлер — «Автор», 2026

Париж XIX века — город роскошных особняков, шумных рынков, тайных притонов и загадочных преступлений. Луи Канлер, бывший начальник сыскной полиции, приглашает читателя за кулисы французского правосудия. Начав службу простым агентом, он становится свидетелем политических потрясений, опасных расследований и столкновений с изобретательными преступниками. Убийства, дерзкие кражи, мошенничества, доноски и агенты-провокаторы соседствуют здесь с историями Видока, Ласенера и покушения Фиески на Луи-Филиппа. Канлер подробно описывает уловки воров, работу осведомителей и методы парижского сыска — не скрывая злоупотреблений самой полиции. Его воспоминания, впервые опубликованные в сокращении и конфискованные властями, — живое свидетельство о преступном мире и повседневной жизни Франции XIX столетия. Оригинальное произведение принадлежит к предметам общественного достояния.

© Канлер Л., 2026

© Автор, 2026

Луи Канлер
Мемуары Канлера. Бывшего начальника
сыскной полиции. Том II. Том I

МЕМУАРЫ КАНЛЕРА
ТОМ I

МЕМУАРЫ
КАНЛЕРА
БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ
ТОМ I

ПАРИЖ
Ф. РУА, КНИГОПРОДАВЕЦ-ИЗДАТЕЛЬ
УЛИЦА СЕН-АНТУАН, 185
1882

ОГЛАВЛЕНИЕ

Страницы: перевод / французское издание 1882 года
ПРЕДИСЛОВИЕ. ПОЧЕМУ Я ПУБЛИКУЮ

СВОИ МЕМУАРЫ — 1	
I. Моё детство и юность	1 5
II. Моё поступление в полицию	23 33
III. Господин Англес, префект полиции	31 42
IV. Полковник Лабедуайер	38 51
V. Агенты-провокаторы	42 56

- VI. 1820–1830. Генерал Бертон и полковник Карон 46 61
VII. Матео и танцовщица 53 69
VIII. Заговор 19 августа 1820 года 59 77
IX. Бочонок пороха в Тюильрийском дворце 63 82
X. Прodelка с попугаем 67 87
XI. Уличение на месте преступления 71 92
XII. Кража у посла Неаполя 77 100
XIII. Побег из Сент-Пелажи и лечебницы 82 106
XIV. Конгрегация в префектуре полиции 85 110
XV. Рынок Тамплъ 96 123
XVI. Мифологические позы 105 135
XVII. Кража у пьяного 111 142
XVIII. Восшествие Карла X на престол. Стрельба на улице Сен-Дени 115 147
XIX. Господин де Беллейм, префект полиции 121 155
XX. Господин Манжен, префект полиции 124 159
XXI. Въезд в Париж герцогов Орлеанского
и Шартрского 127 163
XXII. Арест герцогини Беррийской 128 165
XXIII. Дубинщики 131 168
XXIV. Эпизод похорон генерала Ламарка 136 174
XXV. Мост Арколь 142 181
XXVI. Происхождение сыскной полиции 145 185
XXVII. Воры по категориям, пособники,
сыскная полиция 157 200
XXVIII. Кокёры, или доносчики 212 269
XXIX. Кража у маркизы де Фальтан 226 286
XXX. Убийство вдовы Уэ 230 291
XXXI. Кража у маркизы де Шинери 239 302
XXXII. Похищение 245 309
XXXIII. Убийство вдовы Идат 251 316
XXXIV. Тюнёр (нищий) и банкрот 255 321
XXXV. Кражи в омнибусах 260 327
XXXVI. Убийство Бабуа 266 334
XXXVII. Кражи в театре Порт-Сен-Мартен 271 340
XXXVIII. Ласенер — Франсуа — Авриль 273 343
XXXIX. Первые шаги Ласенера 298 374
XL. 1820–1830. Слесарь и фермерша 300 377
XLI. Фиески, Пепен, Морей и Нина Лассав 304 382
XLII. Торговцы театральными билетами 317 399
XLIII. Убийство Казеса 328 413
XLIV. Попытка кражи у кюре Сен-Мерри 333 419
XLV. Господин Делессер, префект полиции 336 422
XLVI. Убийство Жубера 341 428
XLVII. История кокёра, рассказанная им самим 345 433
XLVIII. Две петарды в Тюильри 350 439
Песни Беранже 353 443
Трёхцветные подтяжки 354 445

Проект покушения на Его Величество короля 357 449

Адская машина 360 453

XLIX. Убийство Эрманс Декрёс 362 455

КОНЕЦ ОГЛАВЛЕНИЯ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Первое издание «Мемуаров Канлера» вышло в 1862 году; оно составляло лишь один сильно сокращённый том, поскольку автор счёл благоразумным исключить все места, способные вызвать неудовольствие императорской полиции.

Несмотря на эту осторожность, книга была конфискована, и сегодня это лучшая похвала, какую мы можем ей воздать. Впрочем, все газеты того времени, независимо от их взглядов, единодушно осудили эту меру, принятую под пустым предлогом, будто господин Канлер, находившийся тогда в отставке, публикуя свои «Мемуары», нарушил служебную тайну, раскрыв некоторые действия ведомства, руководство которым было ему доверено.

Теперь, когда мы живём при свободном строе, ссылаться на те же основания уже нельзя; свет должен проникать повсюду; не должно существовать ни одного поступка, которого кому-либо из наших должностных лиц пришлось бы стыдиться; в действиях полиции не может и не должно быть никаких тайн.

Поэтому мы полагаем, что настал самый подходящий момент для издания «Мемуаров Канлера», на сей раз полного. Мы восстановили текст по подлинной рукописи, без каких-либо пропусков и изъятий, в том виде, в каком автор первоначально намеревался его опубликовать.

Мы надеемся, что нынешняя администрация не усмотрит ничего предосудительного в сочинении, которое, правда, раскрывает некоторые весьма любопытные тайны и дурные поступки отдельных бессовестных агентов, служивших при прежнем режиме; достоинство же этого сочинения заключается в том, что оно написано без партийного пристрастия и с самой строгой точностью.

Сегодня наша полиция становится в некотором роде национальной полицией. Мы видим этих достойных людей, безвестных солдат долга, которые мужественно и бескорыстно борются с самыми опасными бандитами, нередко подвергая свою жизнь опасности ради торжества закона и защиты общества.

Чтобы руководить всем этим личным составом и направлять его деятельность в должное русло, необходимы исключительные способности, весьма большая проницательность, великое мужество и замечательное присутствие духа, ибо, несмотря на свою несомненную полезность, полиции приходится порою исполнять весьма щекотливую и, главное, весьма неблагодарную задачу.

Наконец, не всегда легко воспитать отличного полицейского, и хороший начальник сыскной полиции, желающий исполнять свой долг со всей добросовестностью, должен быть постоянно готов как к нападению, так и к защите.

Идёт ли дождь, дует ли ветер или падает снег, ничто не должно приводить его в уныние, днём и ночью он должен быть на своём посту. Он должен обладать железным здоровьем, потому что именно в ту минуту, когда он рассчитывает немного отдохнуть, приказ вырывает его из сна и заставляет броситься на преступников. — Нужно разыскать вора, арестовать убийцу, предупредить преступление? Он должен немедленно отправиться со своими агентами, чтобы окружить бандитов в их логове, и, можно сказать, ползком в темноте они продвигаются молча, шаг за шагом, по этим страшным вертепам, ибо им необходимо всё слышать и всё видеть, самим оставаясь невидимыми, чтобы не поднять тревогу; они должны быть спокойными, терпеливыми, упорными и внимательными, чтобы ни на минуту не упускать из виду добычу, за которой охотятся и которую нередко выслеживают целыми месяцами, пока не узнают её замыслов и не обнаружат сообщников. Наконец, пока мы спим без тревоги, агенты сыскной полиции неперестанно, в любую погоду и среди серьёзных опасностей, ведут тяжёлую войну из засад,

для которой начальник должен прибегать ко всем хитроумным средствам, какие подсказывает ему его изобретательное воображение, ибо пользоваться оружием он должен лишь в самом крайнем случае. Следовательно, он должен, несмотря на сопротивление противника, выйти победителем из схватки и доставить пленника живым, чтобы закон восторжествовал на благо честных людей, чей сон, имущество и домашний очаг он охраняет.

Таков, по нашему мнению, должен быть полицейский — честный и верный страж общественной безопасности.

Господин Канлер, за внешней простоватостью которого скрывались честность, преданность делу, мужество, ум и бескорыстие, был именно таким начальником, ибо после тридцати лет добросовестной и полезной службы умер, не оставив совершенно никакого состояния. Между тем, исполняя свои обязанности, он не раз отличался важными задержаниями и оказал выдающиеся услуги правосудию своей страны.

Выйдя в отставку, он написал свои «Мемуары» без малейших литературных притязаний, но с большой откровенностью и простым, непринуждённым слогом, которые делают их чтение очень интересным и приятным.

Его «Мемуары» тем любопытнее, что рассказываемые им истории принадлежат вовсе не области вымысла или романа, а самой печальной действительности. Он называет даты, имена людей и агентов, которые, находясь в его подчинении, были свидетелями описываемых им событий.

Одним словом, его книга полна удивительных и странных, даже невероятных происшествий; это реалистическая картина, на которой он, как художник особого рода, старался изображать с натуры пороки и преступления высшего и низшего парижского общества.

Нам посчастливилось получить рукописные «Мемуары» господина Канлера и все страницы, которые из осторожности он исключил из первого издания.

Эти записки были тщательно пересмотрены и приведены в порядок, чтобы подготовить полное издание, которое мы представляем сегодня в том виде, в каком его задумал автор. Вместо одного тома в 400 страниц, составлявшего первое издание, новое будет состоять из двух солидных томов, примерно по 500 страниц каждый. Мы полагаем, что публика с готовностью встретит это новое, значительно дополненное издание, которое по этой причине становится необходимым дополнением к любому собранию мемуаров о полиции.

ИЗДАТЕЛЬ, Ф. Р.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОЧЕМУ Я ПУБЛИКУЮ СВОИ МЕМУАРЫ

Три обстоятельства могут побудить человека написать свои мемуары:

1° Потребность в известности, славе, своего рода бессмертии, то есть гордость;

2° Желание извлечь выгоду из любопытства читателей, рассказывая романтические или необычайные истории;

3° Стремление сделать достоянием всех факты и мысли, знание которых приобретено им благодаря долгому практическому опыту; надежда спасти от бесчестия некоторых слабохарактерных людей, показывая им порок таким, каков он есть, то есть безобразным, низким, подлым, отвратительным; наконец, убеждение, что он исполняет долг перед обществом, излагая события, участником или свидетелем которых ему довелось быть, чтобы извлечь из них полезные уроки, способные внушить молодым умам благородное отвращение ко всему низкому, презренному и постыдному.

Именно эта мысль, осмелюсь сказать, воодушевляла и поддерживала меня.

При помощи своих записок и, главное, довольно удачно устроенной памяти, которая позволяет мне неопровержимо точно вспоминать не только сами события, но также имена и даты, я принялся за работу с единственным намерением быть полезным, предостеречь честных

людей от уловок преступников и доказать последним, что их козни рано или поздно раскрываются.

Я надеюсь также, что примеры, которые я привожу, отвратят от дурного пути некоторых слабых умом или склонных ко злу людей.

По этому поводу считаю необходимым заметить, что, желая познакомить читателя с трудностями, которые нередко представляет раскрытие преступников, я оказался вынужден воспроизвести, лишь в некоторых делах об убийствах, отдельные части прений, происходивших в суде присяжных и неразрывно связанных с неизвестными ранее обстоятельствами, о которых я рассказываю. Впрочем, время, истекшее со дня вынесения этих приговоров, показалось мне достаточным основанием не отказываться от весьма краткого изложения фактов, по большей части уже забытых.

Мне остаётся заявить, что во всём, что касается моего личного участия и советов, я поставил себе правилом быть только добросовестным рассказчиком и не боюсь никаких опровержений; равным образом во всех обстоятельствах, которые не касаются меня лично, я строго ограничился ролью беспристрастного наблюдателя, который просто повествует о том, что видел, что узнал и что слышал, не имея иных притязаний, кроме желания сообщить некоторые подробности, способные заставить задуматься как людей, склонных ко злу, так и тех, кто его опасается. Я надеюсь, что ради моего доброго намерения читатель снисходительно примет рассказ о моих воспоминаниях; надеюсь также, что он простит недостатки слога бывшего полкового воспитанника, слишком хорошо знающего, сколь мало внимания было уделено его образованию, чтобы когда-либо притязать на звание литератора.

МЕМУАРЫ КАНЛЕРА

БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

I

МОЁ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Прежде чем приступить к рассказу о своих воспоминаниях, я считаю нужным оглянуться на первые двадцать три года моей жизни и на нескольких страницах поведать о том, кем я был и что со мной происходило вплоть до моего поступления на службу в полицейскую префектуру.

Я — полковой воспитанник.

Мой отец, участвовавший в кампаниях Республики до 1796 года, поступил сержантом в роту ветеранов в Сент-Омере, где я родился 4 апреля 1797 года.

В 1799 году мой отец получил приказ прибыть в Намюр (тогда в департаменте Самбра-и-Мёз) в 4-ю роту 6-й полубригады ветеранов.

В 1801 году место начальника военной тюрьмы этого города стало вакантным; комендант крепости, служивший в одном полку с моим отцом, добился его назначения временным начальником этой тюрьмы, которую тот покинул лишь в 1805 году.

Таким образом, в возрасте четырёх лет я оказался в тюрьме, где самым строгим заключением и суровой дисциплиной наказывали солдат, не исполнивших свой долг или нарушивших законы чести. Воспоминание об этой поре позволило мне понять, как сильно впечатления раннего детства влияют на представления, складывающиеся у человека позднее. Воспитанный в правилах строжайшей честности, я естественным образом испытывал спасительный страх перед всем, что могло повлечь за собой наказание; поэтому, когда мне случается вспоминать детство и размышлять о роли, которую я играл в зрелые годы, я не могу не поражаться связи между нравственным воспитанием первых лет моей жизни и поприщем, которое избрал впоследствии.

Я прожил в Намюре уже шесть лет, когда император приехал осмотреть этот город и произвести смотр гарнизону. Мой отец подал ему прошение с просьбой предоставить мне, как полковому воспитаннику, место одного из недавно умерших барабанщиков. Просьба была

благосклонно принята, и 1 мессидора XIII года (18 июня 1805 года) меня назначили барабанщиком; мне было тогда восемь лет и два месяца.

Вскоре после этого мы оставили Намюр и отправились на гарнизонную службу в Венло, где я близко сошёлся с полковыми воспитанниками 3-го гусарского полка.

Подобно им, я повадился сопровождать солдат этого полка, когда они ходили купаться в Маасе. Однажды в августе 1806 года я вышел из казармы с несколькими кавалеристами, чтобы отправиться на реку. Едва я вошёл в воду, как трубач Ксавье, знавший, каким безрассудным я бываю, посоветовал мне не заплывать слишком далеко.

Совет был хорош, но вместо того, чтобы последовать ему, я захотел показать свою храбрость и двинулся дальше в реку, как вдруг меня подхватило течение, настолько сильное, что я на мгновение скрылся под водой; к счастью, гусар по фамилии Бонёр успел схватить меня за волосы и вытащить на берег. Мой отец пожелал наградить моего спасителя, но тот упорно отказывался. С тех пор Бонёр стал постоянным гостем нашего дома, и его принимали как брата.

Не прошло и месяца после этого происшествия, как мой гусар, позволив себе несколько возлияний, пропустил перекличку и был наказан двумя сутками ареста в караульном помещении. На следующий день его рота должна была идти купаться, и его выпустили из-под ареста; но, прежде чем отправиться к реке, он зашёл в солдатскую лавку и выпил несколько рюмок можжевельной водки. Бонёр был совсем не из тех, кого называют пьяницами, поэтому выпитого небольшого количества оказалось достаточно, чтобы его опьянить. Едва он очутился на берегу реки, как бросился вперёд, не слушая предостережений товарищей. Добравшись до того места на стремнине, где он спас мне жизнь, он исчез, и все попытки его отыскать остались безуспешными.

Через город Венло протекает ручей шириной около двух метров. За мутные воды он получил название Шварцбах (Чёрный ручей); за городом с одной стороны вдоль него проходит дорога, а с другой тянутся прелестные прогулочные сады, придающие местности некоторую живописность. Многочисленные корни деревьев, уходящие в воду, образуют там множество углублений, в которых охотно селятся раки и миноги, весьма обильные в этом ручье. Я часто ходил с другими полковыми воспитанниками ловить этих ракообразных и рыб. Однажды, когда мне с помощью товарища по имени Эгли удалось поймать чудовищно большую миногу, между нами возник спор о разделе добычи; мой товарищ дал мне пощёчину, которую я немедленно возвратил, после чего мы набросились друг на друга с кулаками.

Мы непременно вцепились бы друг другу в волосы, если бы это было возможно; однако император, как известно, уже давно заменил в армии косички и пудру коротко остриженными волосами. Вдруг Эгли сказал мне: — Послушай, мы не можем разбираться, как штатские! Мы солдаты, у нас есть оружие, так становись в защиту!..

Едва прозвучали эти слова, как наши сабли уже скрестились. Мой противник, желая нанести мне рубящий удар по кисти, с силой провёл своим клинком по моему; нажим оказался столь сильным, что рукоять моего короткого тесака выскользнула из руки. Тогда Эгли сделал выпад; не имея возможности воспользоваться саблей, я отразил удар левым предплечьем. Рана оказалась немалой, и шрам виден до сих пор. Мой победитель поспешил перевязать её своим платком, после чего мы вернулись в казарму добрыми приятелями: Эгли весьма гордился тем, что ранил меня, а я, если это только возможно, ещё больше гордился тем, что оказался ранен.

Мы покинули Венло в сентябре 1807 года и, простояв некоторое время гарнизоном в Мезьере, отправились в Антверпен, где разместились в цитадели. Там, вследствие новой организации, я перестал быть барабанщиком, поскольку не достиг возраста, установленного новыми правилами.

Вскоре после прибытия в этот город мы — моя мать, сестра и я — заболели антверпенской болезнью, то есть дизентерией в сочетании с трёхдневной лихорадкой. В Намюре мы заработали много денег; но после нашего ухода из тюрьмы несчастье словно преследовало нас, ибо

ни порядок, ни бережливость моей матери не могли помешать нашему положению ухудшаться день ото дня: после целого года болезни мы оказались в отчаянном положении, и, чтобы больше не оставаться на содержании родителей, 6 декабря 1811 года я отправился в мэрию и подписал обязательство поступить на службу в 28-й линейный полк, депо которого находилось в Сент-Омере.

На следующий день, 7-го числа, с маршрутным листом на руках я направился к казначею, чтобы получить положенные мне дорожные деньги из расчёта 15 сантимов за лье. По пути я пересёк Зелёную площадь. Какой-то полк, кажется 26-й лёгкий, образовал каре вокруг ограждения, чтобы не пропускать внутрь любопытных; однако благодаря мундиру мне без труда удалось приблизиться и увидеть, в чём дело. Посреди площади пылал огромный костёр, в который непрерывно бросали куски хлопчатобумажной ткани базен, нанкина, кружева, шёлка — всё это люди доставали из фургонов, подвозимых один за другим. Это сожжение английских товаров, конфискованных в соответствии с системой континентальной блокады, продолжалось восемь дней. Ежедневно сжигали товаров более чем на миллион; золу тщательно собирали, а затем сбрасывали в Шельду.

Я был глубоко потрясён уничтожением стольких богатств, самая малая часть которых могла бы избавить мою мать и сестру от бедственного положения, в котором они находились. Я поспешил уйти и, получив своё скромное дорожное пособие, вернулся домой с тяжёлым сердцем, но с улыбкой на лице. На следующий день я отправился в Сент-Омер и, поскольку прежде служил барабанщиком у ветеранов, был зачислен в 28-й полк в том же качестве.

В 1813 году я сменил барабанные палочки на ружьё. Меня только что произвели в капралы, когда моя рота получила приказ отправиться в Антверпен, куда мы прибыли 15 октября.

В январе 1814 года герцог Плезанс, тогдашний губернатор этой крепости, направил колонну гарнизонных войск с приказом провести разведку как можно ближе к Бреду, находившейся в десяти лье к северо-востоку. Колонна дошла до ворот этого города, где столкнулась с неприятельской дивизией, впятеро превосходившей её силами и вынудившей отступить. В двадцати минутах ходьбы от Антверпена, перед Красными воротами, протекает неширокая, но очень глубокая речка под названием Схейн (произносится «Шек»), пересекающая дорогу под прямым углом; через неё перекинут небольшой каменный мост, на котором едва могут пройти рядом несколько человек. Когда экспедиционная колонна подошла к этому мосту, ночная темнота ещё более затруднила переправу; в рядах начался беспорядок. Одни бросились вплавь и, увлечённые течением, утонули; другие, толпой устремившись в узкий проход, задыхались от тесноты, их оттесняли к парапетам, откуда они падали в реку, чтобы уже не подняться. Это несчастное происшествие произвело на гарнизон самое тягостное впечатление и распространило ужас и смятение среди жителей. Почти сразу после этого город был блокирован. Герцога Плезанса отозвали и заменили генералом Карно. Едва последний вступил в должность, союзники с большой энергией повели осаду, однако не добились никаких результатов. Искусные распоряжения генерала неизменно расстраивали замыслы неприятеля.

Среди прочих достоинств Карно, которого солдаты прозвали Неутомимым, обладал той невероятной деятельностью, которая в 1673 году, во время осады Маастрихта, побудила Людовика XIV сказать о Вилларе:

«Как только где-нибудь начинают стрелять из пушек, кажется, будто этот мальчишка вырастает из-под земли, чтобы непременно оказаться там».

Противопоставляя усталости свою несокрушимую волю, Карно в сопровождении двух улан днём и ночью был на ногах, совершал обходы, осматривал посты, устанавливал батареи, указывал каждому, какое место тот должен занимать и как действовать в случае нападения, словом, во всех заботах по наблюдению, которых требовало столь серьёзное положение, полагая только на самого себя.

Союзники, желая нанести решительный удар, разместили батарею позади предместья Виллеброрд, называемого Бельград, чтобы бомбардировать и поджечь корабли, стоявшие во внутренних бассейнах города и составлявшие тогда одну из самых красивых и сильных эскадр, какими располагала Франция.

Перед лицом этой угрозы военный совет крепости высказался за немедленное оставление и разрушение этого предместья вместе с церковью; но Карно заявил, что никогда не согласится на разрушение, которое обрекло бы несчастных жителей этого квартала на самую ужасную нужду, и что к тому же он найдёт способ защитить город, вверенный ему императором, не прибегая к таким крайностям.

Известно, что Карно сдержал слово.

После бесплодной осады неприятель отступил, и Антверпен был спасён.

Антверпенцы не забыли поведения Карно по отношению к ним и всякий раз, когда говорят о нём, делают это с уважением и благодарностью.

Поэтому через несколько лет после описанного мной времени муниципальный совет Антверпена постановил назвать большую улицу Виллеброрд именем Карно, и на первом доме этого предместья торжественно установили мраморную доску, на которой золотыми буквами была выгравирована следующая надпись:

Генералу Карно — благодарный город Антверпен. Это предместье, равно как и церковь Виллеброрд, были спасены от полного разрушения генералом Карно, губернатором Антверпена.

После восшествия Людовика XVIII на престол Антверпенскую крепость эвакуировали и 3 мая 1814 года передали англичанам. Моя рота вернулась в Сент-Омер, куда мы прибыли 10 мая. Мой полк, как и многие другие, сохранил самое горячее восхищение Наполеоном. В казармах вслух выражали надежду, что однажды вновь увидят этого бога солдат, этого императора, которого считали единственным возможным государем; и хотя наши начальники, менее откровенные, чем мы, унтер-офицеры и солдаты, не обнаруживали своих чувств, сердца были согласны и желания единомысленны.

Однажды утром по всей Франции, словно удар грома, разнеслась весть:

«Наполеон высадился в Каннах!!!»

Известие об этом событии лишь удвоило наш восторг, и каждый, поклявшись присоединиться к нему при первой возможности, раздобыл трёхцветную кокарду, чтобы заменить белую на наших киверах. В ожидании столь желанного дня кокарды бережно прятали на дне ранцев, под подкладкой.

Мой батальон получил приказ выступить, чтобы, как говорил наш полковник господин де Сен-Илер, сразиться с узурпатором. Добравшись до Бетюна, мы получили встречный приказ, и нас возвратили в Сент-Омер, где в шесть часов вечера мы узнали о триумфальном вступлении Наполеона в Париж. Все окна казарм словно по волшебству сами собой озарились огнями, и начался настоящий праздник, сопровождавшийся криками: «Да здравствует император!»

Мой полк был разделён на два боевых батальона, после чего мы отправились в Валансьен, куда прибыли 13 июня. Но, когда мы проходили через Орши, полковник Сен-Илер внезапно покинул нас, чтобы присоединиться к королю Людовику XVIII в Генте. Его заменил полковник Сен-Мишель.

14-го числа мы расположились бивуаком в лесу, а 15-го, на рассвете, нам зачитали прокламацию, с которой император обращался к своей армии перед началом кампании. После этого чтения, послужившего для нас сигналом к выступлению, мы направились в Тюэн, в Бельгии.

Наш армейский корпус должен был покинуть этот город на следующее утро, чтобы пораньше оказаться во Флёрюсе; однако выступили мы лишь в полдень и из-за стечения обстоя-

ятельств, необъяснимых переходов и контрмаршей прибыли к месту назначения только через несколько часов после начала сражения.

Мой полк расположили за небольшим лесом, неподалёку от брюссельской дороги, чтобы остановить неприятельскую кавалерию, которая, как предполагалось, должна была появиться с этой стороны; нас построили в каре в шесть шеренг.

Мы оставались на этой позиции до девяти часов вечера; затем получили приказ переместиться налево от брюссельской дороги, впереди Катр-Бра.

Я не стану перечислять все подвиги, совершённые французской армией, и, не рассказывая здесь о тех людях, которые раскусывали зубами свои кресты и рвали знамёна на маленькие клочки, а затем проглатывали их, чтобы эти знаки отличия не достались неприятелю, не могу удержаться от рассказа об одном эпизоде этого памятного дня.

Заняв место нашего нового бивуака, мы заметили у дороги молодого солдата, или, вернее, то, что осталось от человека, ибо несчастному пушечным ядром оторвало обе ноги! Его раны ещё не были перевязаны, лишь пытались остановить кровотечение, забинтовав их рубахой. На лице и груди этого несчастного виднелись также следы недавних ранений. Должно быть, он обладал необычайной силой, раз пережил такие раны и вызванную ими потерю крови. Увидев, как мы проходим мимо него, он нервным движением приподнялся на руках и воскликнул громким, сильным голосом:

— Да здравствует император! Я потерял обе ноги, но мне на это напл...! Победа за нами! Да здравствует император!

Лицо и голос этого храбреца, который, несомненно, умер никому не известным, запечатлелись в моей памяти, и, выводя эти строки, я до сих пор не могу совладать с волнением при воспоминании о столь мужественно выраженном чувстве патриотизма.

Дивизия, к которой я принадлежал, состояла из моего полка, а также 54-го, 55-го и 105-го линейных полков и находилась под командованием генералов Буржуа, возглавлявшего первую бригаду, и Алликса, командовавшего дивизией. Добравшись до места назначения, мы сложили ранцы и поставили ружья в козлы; затем по несколько человек от каждого отделения отправились за добычей.

Я взял с собой четверых солдат, и мы пошли куда глаза глядят, оставив наши ружья на попечение товарищей.

Есть старая пословица, гласящая, что весьма трудно причесать чёрта, у которого нет волос; ей-богу, я думаю, что добыть что-нибудь съестное было по меньшей мере столь же трудно, ибо каждый дом, каждый сарай, в который мы заглядывали, уже успели посетить другие. Наконец посреди леса я заметил что-то вроде разваливающегося сарая; мы направились туда, и я проник в ветхое строение через пролом, который время проделало в одном из углов. Ночь стояла совершенно тёмная, и мне понадобилось несколько минут, чтобы различить окружающие меня предметы. Наконец в противоположном углу я заметил нечто белое; разумеется, было не время верить в призраков и привидения, я направился к этому предмету и с величайшим удовлетворением обнаружил, что это мешок муки! Мы решили унести его. Чтобы облегчить ношу, каждый набил мукой карманы, носовой платок и кивер, а остаток оставили в мешке, который мы по очереди взваливали себе на плечи.

От всех этих бесконечных перемен положения мешка, перекладываний и пересыпаний проклятая мука измазала нас так, что по возвращении в лагерь мы с величайшим трудом смогли убедить товарищей, кто мы такие, а офицеры и солдаты встретили нас взрывами весёлого смеха. Мы походили не просто на мельников, но и на достойных подражателей Дебюро, завсегдатаев наших маскарадных балов.

17-го числа, в час пополудни, с высоты, где брюссельское шоссе делает поворот, раздался пушечный выстрел: это был сигнал к наступлению; мы гнали неприятеля, не давая ему передышки, до семи часов вечера. Затем мы заняли позицию близ деревни Сент-Альянс и высот

Россомма, после чего каждый принялся готовить себе ужин, а некоторые отправились за добычей. На этот раз мы принесли только дрова и маленького живого барашка; но, поскольку следующий день, по всей видимости, должен был быть тяжёлым, мы приберегли барашка к завтрашнему завтраку и провели ночь у костра. Это, конечно, не было роскошью, ибо дождь не прекращался всю ночь. Наконец на рассвете каждая рота разобрала ружья, чтобы смазать их, заменить капсюли и просушить шинели; когда эти приготовления были окончены, мы подумали о завтраке. Котёл поставили на огонь; один из наших капралов, немного знакомый с ремеслом мясника, зарезал, освежевал и разрубил на куски нашего бедного барашка, которого сварили с некоторым количеством муки, найденной мною 16-го числа. Через час варки капитан и младший лейтенант нашей роты пришли получить свою долю трапезы, вкус которой, спешу сказать, был отвратительным, ибо вместо соли, которой у нас совершенно не было, наш повар придумал бросить в котёл пригоршню пороха.

Когда солнце поднялось над горизонтом, мы взяли за оружие и построились в боевой порядок. Тогда император проехал вдоль фронта всех частей, и в едином порыве, напомиравшем электрический разряд, каски, кивера и меховые шапки взметнулись на концах сабель и штыков под неистовые крики: «Да здравствует император!!!»

Около полудня мы заняли позицию на плато Сент-Альянс, где была установлена батарея из восьмидесяти пушек, затем нам приказали спуститься в одноимённый овраг, где мы были укрыты от мощной батареи, которую англичане за ночь устроили напротив нашей и которая непрерывно вела огонь.

Вскоре обе батареи, насчитывавшие вместе почти двести орудий, начали исполнять ужасающий дуэт; ядра, бомбы и гранаты со свистом пролетали над нашими головами. После получаса ожидания маршал Ней приказал атаковать и взять штурмом английскую батарею; трёх ударов палочками по барабану оказалось достаточно, чтобы корпус приготовился к выступлению: нас построили в сомкнутые батальонные колонны; я заметил, что адъютант-майор Юбо, которому поручили построить дивизионы, старый солдат, прошедший все кампании Империи, был озабочен и чрезвычайно бледен. Наконец, когда колонны были построены, генерал Друэ д'Эрлон встал посреди своего армейского корпуса и громким, отчётливым голосом произнёс только следующие слова:

«Сегодня мы должны победить или умереть!»

Крик «Да здравствует император!» вырвался из всех уст в ответ на это короткое обращение, и под бой барабанов, бивших атаку, колонны с ружьями на стиге руки двинулись к английским пушкам, не сделав ни одного выстрела. Тогда неприятельские батареи, которые до сих пор посылали в нашу сторону только ядра и гранаты, обратили свои жерла на наши колонны и стали опустошать их картечью. Не успели мы пройти и ста шагов, как командир нашего второго батальона господин Марен получил смертельное ранение; капитан моей роты господин Дюзе был поражён двумя пулями; адъютант Юбо и знаменосец Кросс были убиты.

И среди всего этого слышались спокойные, серьёзные голоса наших начальников, отдававших один-единственный приказ: «Сомкнуть ряды!»

При втором залпе английской батареи барабанщику гренадеров Лекуантру картечная пуля оторвала правую руку, однако этот мужественный человек продолжал идти впереди нас, отбивая атаку левой рукой, пока не потерял сознание от потери крови. (В 1828 году я снова встретил его в Париже, куда он поступил в Дом инвалидов.)

Третий залп сократил ширину фронта нашего батальона до фронта одной роты; страшный крик «Сомкнуть ряды!» раздался снова. Этот крик не только не вселил в наши сердца ужаса или отчаяния, но произвёл совершенно противоположное действие: он возвысил наше мужество и внушил нам не только стремление победить, но и желание отомстить за несчастных братьев по оружию, умиравших у нас на глазах.

После двадцатиминутного бега мы добрались до земляного укрепления, на котором стояли английские пушки, и принялись взбираться на него. Дождь, ливший всю ночь, размочил и без того вязкую землю, так что во время подъёма ремешок под подошвой моего правого гамаша лопнул и пятка выскочила из башмака. Я быстро наклонился, чтобы поправить его; но в тот же миг почувствовал, как сильный толчок откинул мой кивер назад, и он, весьма вероятно, свалился бы, если бы не подбородочные ремни, удержавшие его на подбородке. Это в меня попала пуля, которая превратила восьмёрку номера 28 на моей бляхе в ноль и вылетела сзади, задев волосы на моей голове.

По-прежнему держа ружья на сгибе руки, мы поднялись к пушкам, которые только что извергали на нас потоки картечи. Едва мы достигли вершины плато, как на нас с дикими криками обрушились королевские драгуны. Первая дивизия, не успевшая построиться в каре, не может выдержать этой атаки, и её ряды прорваны; тогда начинается настоящая резня; каждый оказывается оторванным от товарищей и сражается сам по себе. Сабли и штыки прокладывают себе путь сквозь трепещущую плоть, ибо противники находятся слишком близко друг от друга, чтобы пользоваться огнестрельным оружием.

Но положение пеших солдат, сражавшихся поодиночке в окружении кавалеристов, было невыносимым; вскоре я оказался один, без оружия и в плену. Вдруг раздалась команда «Рысью!»: это французские уланы и кирасиры спешили нам на помощь; английские драгуны, вынужденные отражать их атаку, оставили меня. Я воспользовался этим мгновением свободы и бросился в находившееся сбоку пшеничное поле. Французские кавалеристы с яростью атаковали английских драгун, рубили саблями и наносили удары пиками направо и налево, так что те в конце концов отступили, оставив немало своих на поле битвы. Благодаря этому я смог пересечь поле и попытаться присоединиться к своему корпусу, но, сделав крюк влево, оказался возле английского драгунского офицера, убитого в схватке. Удар сабли рассёк ему голову, и мозг вывалился из черепа.

Из кармана его жилета свисала великолепная золотая цепочка; как бы ни спешил я бежать, всё же на мгновение остановился, чтобы завладеть этой цепочкой и прекрасными часами, тоже золотыми. Англичане лишили меня ранца и оружия, и я применил закон возмездия; затем, в нескольких шагах дальше, я нашёл ягдташ, на внутренней стороне крышки которого к медной пластинке была прикреплена надпись:

«Лабинь, младший лейтенант 55-го линейного полка».

Я быстро осмотрел свою вторую находку, состоявшую из письменного прибора и белья, ценность которого я вполне понимал, поскольку в тот момент у меня не было ничего, кроме одежды на мне. Вскоре я встретил своего полковника, которого сопровождали несколько офицеров: он скакал, как безумный, то направо, то налево, во весь опор своего коня, крича: «Ко мне, 28-й! Ко мне!» — и в этих криках слышалось столь глубокое отчаяние, что было ясно: разгром полка он воспринимал как удар по собственной чести. Я уже собирался присоединиться к нему, когда справа от меня раздалась жалобные крики; я направился туда и увидел лежавшего на земле молодого солдата 105-го линейного полка.

Этот несчастный, у которого пуля раздробила правую большеберцовую кость, ужасно страдал от раны, ещё не обработанной и даже не перевязанной.

— «Товарищ, — кричал он мне, — ради всего святого, не оставляйте меня здесь! Я не могу доползти до перевязочного пункта, и если кавалерия ещё раз пройдёт тут, меня непременно затопчут лошади». И с этими словами он протянул ко мне умоляющие руки; я не смог устоять перед этой мольбой и бросился к нему.

Немедленно опустившись на колени, я вынул рубаху из только что найденного ягдташа, перевязал его рану, затем поднял его на спину и с огромным трудом и усталостью пронёс через поле битвы до первого перевязочного пункта, где мне не без труда удалось устроить его. Затем я пошёл к нескольким своим товарищам, и, когда мы бродили почти наугад, нас встретил гене-

рал, окликнул и спросил, куда мы направляемся; услышав, что мы стараемся найти свой корпус, он сказал: «Это бесполезно, ваш полк полностью рассеян. Пойдёмте со мной, я поставлю вас на позицию».

Он расположил нас на дороге и приказал пропускать только раненых, а всех солдат, способных держать оружие, отправлять обратно. Там уже стояли три улана с таким же поручением; менее чем за час мы остановили более четырёхсот беглецов. (Я взял ружьё у раненого, которому оно больше не могло пригодиться.)

Мы покинули эту позицию лишь тогда, когда вся армия начала отступление в направлении Шарлеруа вместе с зарядными ящиками, обозом и повозками, нагруженными несчастными со сломанными руками и ногами, причём большинству из них ещё даже не наложили повязок.

Пусть читатель сам представит себе, сколь безутешное зрелище являла собой эта сцена, ещё более мучительная из-за беспорядка, который порождала ночная темнота.

Из-за ужасного скопления людей и повозок на дороге мы отправились дальше поодиночке, и каждый старался проложить себе путь то с одной, то с другой стороны, через поля.

В пять часов утра я прибыл в Шарлеруа, который прошёл не останавливаясь; оттуда направился в Бомон, где встретил множество солдат всех родов войск, прибывших, как и я, в надежде отыскать свои части и снова двинуться навстречу неприятелю.

Я крайне нуждался в отдыхе, ибо с того часа, когда четырнадцать часов назад покинул поле битвы, ни на мгновение не останавливался. Однако, немного подкрепившись, я поспешил оставить Бомон и направился в Авен, куда прибыл в девять часов вечера; ворота были закрыты, подъёмный мост поднят. Пришлось ночевать под открытым небом; но в восемнадцать лет, после трёх суток без сна и перехода в тридцать лье, на такие мелочи не обращают внимания.

Я проспал без пробуждения до пяти часов утра; тогда городские ворота открылись; адъютант, посланный комендантом, пришёл объявить, что гарнизон и без того переполнен, поэтому нас нельзя впустить в крепость и что, поскольку армия собирается заново в Лане, там мы, вероятно, сможем без труда присоединиться каждый к своей части.

Среди солдат, прибывших одновременно со мной, я встретил трёх однопольчан: Милле, гренадерского сержанта, награждённого орденом, которому ядром оторвало левую руку; Вернона, тоже сержанта, и Форестье, капрала, также раненных в левую руку; мы отправились в Лан, где трое моих спутников добились помещения в госпиталь. Что до меня, то я отправился к товарищам, прибывшим прежде меня, во главе которых находились полковник и командир Сенак. Когда мы выступали в поход, полк насчитывал тысячу четыреста человек, а в Лане едва собралось двести.

За эту четырёхдневную кампанию император дал два великих сражения — при Флёрюсе и при Ватерлоо.

23 или 24 июня маршал Сульт, начальник Главного штаба армии, произвёл смотр войскам, собранным в Лане. Когда он подошёл ко мне, мой полковник остановил его и, указывая на меня, сказал:

— Маршал, перед вами самый молодой солдат моего полка; это полковой воспитанник, которому восемнадцать лет, а первый свой поход он совершил в шестнадцать. Он весьма храбро держался при Ватерлоо и вынес на спине с поля битвы тяжело раненого французского солдата.

Я был совершенно ошеломлён этими словами, ибо не знал, что полковник заметил мой поступок.

— Что ж! — ответил ему маршал. — Представьте его к кресту!

И он удалился.

Но обстоятельства были тогда слишком серьёзны, чтобы исполнение подобных обещаний не пришлось отложить, а последовавшие события, изменив облик Франции, уничтожили вполне законные надежды, которые, как и я, могли питать другие солдаты.

В самый день этого смотра я продал городскому часовщику за 120 франков часы, доставшие мне от английского офицера и стоившие более 500 франков. Если я тогда остался доволен полученной ценой, то мой покупатель, без сомнения, был ещё довольнее меня.

Мы вышли из Лана в Суассон, но прежде чем пройти через этот город, чтобы разбить лагерь за Реймскими воротами, на равнине близ компьенской дороги, нам приказали спуститься в сухие крепостные рвы, и там, построив нас в каре, полковник зачитал отречение Наполеона от престола в пользу своего сына, Римского короля.

Это известие нас сразило. Напрасно полковник, желая разжечь наш энтузиазм, закричал: «Да здравствует Наполеон II!» Полк, или, вернее, отряд, тоже закричал: «Да здравствует Наполеон II!», но на всех лицах лежала печаль, и казалось, что мы спрашиваем друг друга взглядами: «Что станет с нами без нашего императора?..»

Три дня спустя мы оставили Суассон, чтобы направиться в Компьень; но англичане уже опередили нас и заняли этот город. Наша пехота поспешно бросилась в лес, окаймлявший дорогу, а артиллерия осталась посреди шоссе, чтобы отвечать на выстрелы неприятельских пушек; мы двинулись рассыпным строем, прикрываясь деревьями на опушке, и открыли ружейный огонь по англичанам. После часа боя, или, вернее, перестрелки, прозвучал сигнал сбора, мы снова построились в колонну по дивизионам, чтобы отправиться в Виллер-Котре, а затем в Санлис, куда прибыли в десять часов вечера; но и там, как в Компьене, неприятель снова нас опередил. Тогда начался тяжёлый переход через поля под руководством проводника...

Мы были в пути уже тридцать часов. Усталость, жара и нужда истощали силы солдат, сон одолевал их, люди спали на ходу и охотно уснули бы даже во время боя; в два часа утра мы сделали короткий привал, затем, немного отдохнув, снова отправились через вспаханные поля и в девять часов вечера прибыли в Бонди, где провели ночь под стенами парка. За сорок девять часов пути мы остановились всего на два часа. В пять часов утра мы снова выступили, чтобы разбить лагерь у заставы Монтрёй; восемь дней спустя переправились через Луару у Жьена, направляясь в Бержерак, где оставались до расформирования полка, состоявшегося 29 сентября 1815 года. Солдат каждого корпуса направили в соответствующие департаменты для формирования департаментских легионов.

Из департамента Па-де-Кале нас было только трое: музыкант Вильмар, солдат Пено и я; мы совершили путь вместе и, сдав оружие в Туре, направились в Париж.

Чтобы попасть из Версаля в столицу, мы пересекли Булонский лес, где тогда стояли бивуаком англичане; увидев нас троих без оружия, они принялись нас высмеивать, и ни один офицер не вмешался, чтобы заставить их замолчать.

Мы продолжили путь до Арраса, где меня зачислили в легион Па-де-Кале, и вскоре я получил звание сержанта.

В августе 1816 года мы покинули Аррас и отправились в Сент-Омер; отсюда 24 декабря выступили в Париж, куда прибыли, в казармы Попенкур, 3 января 1817 года, а 24 декабря того же года я женился в мэрии восьмого округа на мадемуазель Денизо, отец которой торговал яйцами и птицей.

В тот момент, когда я пишу эти строки, нашей супружеской жизни исполнилось сорок четыре года.

Мой медовый месяц был недолог, ибо через пять дней после свадьбы полк покинул Париж и отправился в Ренн, куда мы прибыли 11 января 1818 года.

Известно, насколько сильны суеверия в Бретани и какую власть легенды имеют над умами народа. Вот одна из них, которую я приведу, ибо помимо своей оригинальности она стремится доказать, что бретонский язык — тот самый, на котором говорили в земном раю:

«Однажды, когда стояла ужасная жара, Адам и Ева сидели под яблоней. Женщина, которая была чрезвычайно прожорлива и мучилась жаждой, взяла яблоко; но в ту минуту, когда

она собиралась откусить от него, её муж, столь же прожорливый и столь же томимый жаждой, попросил у неё кусочек, сказав по-бретонски: “А’там!”, откуда и произошло его имя Адам.

Затем, поскольку ничто так не усиливает жажду, как дурной поступок, наши прародители, совершив своё преступление, почувствовали ещё большую жажду; тогда женщина пошла за водой и дала её супругу, также сказав по-бретонски: “Эв!”, то есть “Пей!”, и с тех пор за ней сохранилось это имя».

Вот, надеюсь, бесспорное объяснение, ибо лишь наши прародители могли бы с некоторым правом его оспорить.

Мы пробыли в Бретани около трёх месяцев; затем в апреле отправились в Гавр, где 31 декабря 1818 года я получил окончательную отставку.

И вот я снова в Париже, но, чтобы жить здесь, нужно иметь работу, должность или доходы с капитала. К несчастью, я не имел ни того, ни другого и, по правде сказать, не очень хорошо представлял, к какому делу мог бы быть пригоден; однако решил обучиться ремеслу. Сказано — сделано: я поступаю учеником в заведение господина Тома, изготовителя обоев, на улице д’Алигр, 10. Растирая краски с утра до вечера, бегая по поручениям, таская свёртки и возвращаясь домой лишь вечером, с одной щекой красной, а другой зелёной, я легко примирился бы со своей судьбой, если бы мне не приходилось постоянно выносить грубые слова и оскорбления моего жестокого хозяина. Испытав отвращение к этому ремеслу, я его оставил.

Спустя некоторое время после ухода с фабрики я заметил, проходя по улице Сен-Себастьян, большую толпу перед одним домом; приблизившись, я узнал, что жилец этого дома обнаружил у себя в комнате на третьем этаже вора, который обчищал его имущество, и что, когда он попытался схватить негодяя, тот пригрозил ему огромным ножом; тогда жилец ускользнул, чтобы позвать караул, однако проявил присутствие духа и запер вора на два оборота ключа.

— Я, пожалуй, думаю, — прибавил мой рассказчик, — что всё это будет напрасно и что к тому времени, когда придут солдаты, молодчик уже сбежит через дымоход!

— Но в таком случае, — воскликнул я, — нельзя терять ни минуты, нужно арестовать его, и как можно скорее!

И, не дожидаясь ответа, я бросаюсь в дом, увлекаю за собой привратника, мы взбегаем на третий этаж, и, когда мне показывают комнату, я подхожу к двери и внимательно прислушиваюсь: всё тихо; я вышибаю сосновую дверь, легко поддавшуюся моим усилиям, но клетка пуста, а птица улетела. Я бегу к камину и замечаю своего человека, который, упираясь руками и ногами, старается добраться до верхнего конца дымохода. Одним движением я срываю с кровати матрацы, выхватываю из соломенного тюфяка несколько пригоршней соломы и бросаю их в камин, поджигаю; едва пламя вспыхивает, как я слышу хриплый голос, кричащий мне: «Остановитесь! Ради бога! Не разводите больше огня! Я сейчас спущусь, я задыхаюсь от дыма!» И тотчас мы слышим, как этот человек начинает спускаться; но, опасаясь, что он захочет пустить в ход нож, я встаю в камине и, как только его ноги оказываются в пределах моей досягаемости, хватаю их и, резко дёрнув, сбрасываю его вниз, словно тяжёлую глыбу, на которую тут же набрасываюсь. Я проворно отнял у него опасное оружие. Тогда привратник помог мне удерживать его до прибытия караула, который отвёл его к полицейскому комиссару. Суд присяжных приговорил его к семи годам каторжных работ.

Это происшествие подсказало мне мысль посвятить себя преследованию преступников, и с этой целью я направил префекту полиции прошение о предоставлении должности инспектора, которое было удовлетворено вскоре после убийства герцога Беррийского.

II

МОЁ ПОСТУПЛЕНИЕ В ПОЛИЦИЮ

25 апреля 1820 года, в день моего поступления в префектуру, я был поставлен под начало господина Дабасса, офицера охраны порядка.

До убийства герцога Беррийского штат полицейской префектуры состоял из: господ Англеса, государственного министра, префекта полиции,

Фортиса, генерального секретаря,

Фудра, генерального инспектора,

Делапорта, помощника последнего,

24 офицеров охраны порядка и 104 полицейских инспекторов; кроме того, пяти инспекторов, постоянно находившихся при учреждении, и канцелярских служащих, из которых двое, прикомандированные к канцелярии генерального инспектора, носили фамилии Манту и Байи. Жалованье этих двух последних составляло 1200 франков. Первый умер недавно, оставив состояние в восемьсот тысяч франков: ему удалось получить патент печатника-литографа, а затем добиться поручения печатать избирательные списки департамента Сены; вдобавок он принял участие в торгах и получил право заведовать сбором в пользу бедных.

Что касается второго, который ещё жив, то он женился на дочери служащего префектуры департамента Сены, куда и сам сумел поступить на такую же службу. Уже много лет он живёт на пенсии, весьма скромно.

После преступления 13 февраля в организации действующей службы произошли некоторые изменения. Вместо двух офицеров охраны порядка и восьми инспекторов, которым поручалось наблюдение за тремя округами, остались лишь один офицер и шесть инспекторов. Это было, как видим, довольно значительное сокращение; однако служащих, которых забрали из службы наблюдения за кварталами, перевели в политическую полицию, и сколько воры выиграли в безнаказанности, столько либералы потеряли в свободе. В самом деле, офицеры охраны порядка и инспекторы, чьи обязанности изменились, перешли под начальство господина Гарнье, полицейского комиссара квартала Май, назначенного по этому случаю помощником генерального инспектора по политическим делам и имевшего свои кабинеты в самой префектуре.

Сорок восемь полицейских комиссаров Парижа получали тогда постоянное жалованье в 6000 франков; ни к одной из их канцелярий не был специально прикреплен инспектор, если не считать служащего, соединявшего звания инспектора и секретаря и получавшего за исполнение этих различных обязанностей скромную сумму в 1400 франков.

Офицеры охраны порядка получали 3000 франков, а рядовые инспекторы — 1200 франков.

В 1821 году положение некоторых служащих в отношении жалованья было улучшено; у офицеров охраны порядка оно поднялось до 3600 франков; жалованье инспекторов-секретарей было доведено до 1800 франков, но они утратили звание инспекторов и сохранили только звание секретарей, которое носят по сей день.

Едва приступив к своим обязанностям, я заметил, что многие мои товарищи были далеко не приверженцами правительства Реставрации. Почти все они были бывшими солдатами Империи, сменившими свои эполеты или нашивки на удостоверение полицейского инспектора. Жизнь, которую они теперь вели, была для них лишь необходимым переходом между прошлым и будущим, и не один из них втайне питал надежду снова надеть мундир и золотой эполет, когда вернется император, ибо это возвращение было заветной мечтой каждого.

Из всех полицейских агентов наиболее заметным своим либерализмом был некто Ланфан. Бывший солдат Империи, награжденный рукой самого Наполеона, прежде лейтенант красных улан, он участвовал почти во всех кампаниях, присутствовал на всех сражениях и посетил все столицы под трёхцветным знаменем. События 1815 года оставили его на половинном жалованье, и в ожидании лучших времён он поступил в полицию.

За ним следовал Руссель, долго служивший в императорской гвардии и принёсший из Великой армии привычку беспрестанно ворчать. Одному Богу известно, как давали себе волю эти два моих старых ворчуна! Король, принцы, хартия, палата — доставалось всем.

Итак, уже с первых дней я убедился, что мои агенты-роялисты были попросту добрыми, стойкими бонапартистами. Вскоре они сами представили мне тому доказательство. В ту пору, когда штат был немногочислен, офицеры охраны порядка и инспекторы ежедневно, в полдень, поодиночке являлись в дежурную комнату, чтобы получить распоряжения префекта. С другой стороны, пятого числа каждого месяца все служащие получали жалованье в кассе префектуры. В первый раз, когда я расписался в платёжной ведомости, Ланфан подошёл ко мне в тот миг, когда я прятал своё скромное жалованье в карман; он взял меня под руку и, уведя в оконную нишу, сказал мне: «Канлер, не хотите ли быть с нами? Нас несколько добрых малых, которые в день получки собираются вместе позавтракать: расходы невелики, ибо наибольшая сумма, до которой они когда-либо доходили, составляет 3 франка 50 сантимов; к тому же, я полагаю, что раз в месяц вполне можно позволить себе небольшое излишество. Если вам это по душе, скажите „да“; если нет — прощайте, потому что я уже опаздываю».

Вместо всякого ответа я взял его под руку и сказал: «Пойдёмте».

— Вот это дело! — воскликнул он. — Это с вашей стороны поистине очаровательно. Руссель уверял, что я напрасно заговорю с вами об этом, что вам это, пожалуй, не понравится; а я-то прекрасно знал, что вы не откажетесь.

И мы отправились.

Выйдя из префектуры, мы пошли по набережной, пересекли Новый мост, прошли по набережной Эколь, улице Кок и улице Сент-Оноре, но последняя вела нас обратно по нашим следам, и это так меня удивило, что я не мог удержаться и заметил это своему провожатому.

— Куда мы идём? — спросил я его.

— Мы идём на улицу Прувер, к ресторатору Лекуру, где нам будет превосходно. Должен предупредить вас, чтобы вы не удивлялись, увидев за столом с дюжину служащих из разных ведомств; быть может, вы знакомы не со всеми, но скоро с ними познакомитесь; это хорошие товарищи.

— Но скажите мне, Ланфан, чтобы попасть из префектуры на улицу Прувер, я не вижу никакой необходимости идти через Лувр.

— Вы не понимаете?

— Ни в малейшей степени.

— Ну так вот причина: каждому из нас, выйдя из префектуры, надлежит отправляться на службу; если бы мы все пошли одним путём, мы рисковали бы навлечь на себя слежку и увидеть, как в самый разгар нашего завтрака явится кто-нибудь из начальников, чтобы принести нам свои поздравления.

— Вы правы, сначала мне это не пришло в голову.

— Да и потом, вы понимаете, как было бы для нас обидно оказаться смешанными с теми негодяями-либералами, которые под предлогом совместного обеда устраивают весьма милые маленькие совещания против правительства Его христианнейшего величества Людовика XVIII.

Но я уже слишком много слышал от своего собеседника, чтобы поверить хоть одному слову из только что им сказанного; поэтому я посмотрел на него так, что он понял: мы согласны друг с другом, и мы оба расхохотались. Наконец, продолжая беседовать в таком духе, мы добрались до Лекура, где поднялись в зал на втором этаже. Стол был накрыт, и около дюжины агентов, расположившись небольшими группами, разговаривали между собой.

Когда мы вошли, Руссель вышел нам навстречу со словами:

— Право, друзья мои, не хватало только вас, и, поскольку теперь все в сборе, мы сейчас же начнём.

Я сидел напротив Русселя, слева от меня был Гайетти, а справа — мой крёстный Ланфан. За едой не было произнесено ни единого слова, имевшего отношение к политике, и я, право же, уже начинал думать, что ошибся насчёт их намерений и убеждений; но к концу завтрака Руссель начал наступление, спросив меня:

— Скажите-ка, Канлер, разве вы не служили при Империи?

Я собирался ему ответить, когда Гайетти перебил меня.

— Разумеется, — сказал он, — это дитя полка, и, хотя он ещё очень молод, он участвовал в трёх кампаниях.

— Но, — возразил первый, — до какого же времени вы служили?

И опять мой сосед слева ответил за меня.

— До какого времени? Наш друг не кто иной, как один из тех ужасных «разбойников Луары», как их столь поэтично окрестили.

При этих словах все разом встали и взяли свои бокалы; тогда Ланфан, на этот раз взяв слово, произнёс:

— Друзья мои, новый товарищ, которого мы принимаем сегодня в наше маленькое общество, уже в достаточной мере проявил себя, как сообщил наш друг Гайетти; он дитя полка, следовавшее шаг за шагом за судьбой Наполеона и оставшееся верным своему долгу вплоть до полного расформирования армии Луары. Выпьем же за его здоровье, и пусть ему будет у нас добрый приём?

И бокалы были осушены.

Тогда я взял слово и несколькими словами поблагодарил моих любезных собратьев; затем разговор наконец принял своё истинное направление, то есть обратился исключительно к политике.

Каждый вставил своё слово, изложил свой план преобразований и вдоволь поносил злоупотребления роялистов. Впрочем, последних порицали не без оснований, ибо самые серьёзные упрёки, обращённые к ним, самые важные обвинения, выдвинутые против них, основывались на несчастных событиях, происходивших на юге с самого начала Реставрации и столь справедливо названных Белым террором.

Разговор продолжался ещё некоторое время, живой и горячий; затем, в три часа, Ланфан, самый образованный и способный из всего общества, к тому же исполнявший в некотором роде на этих маленьких собраниях обязанности председателя, объявил, что пора подумать о том, чтобы разойтись, добавив:

— Все мы приняли на себя определённое поручение, и наша честь обязывает нас исполнить его безупречно; что правительство нам не по душе, это понятно, но если бы мы перестали исполнять свой долг, это было бы недостойно ни людей с сердцем, ни честных граждан: только, друзья мои, прежде чем расстаться на целый месяц, я прошу минуту тишины.

Три бутылки только что были разлиты по нашим бокалам, Ланфан встал, взял свой бокал и, подняв его на уровень глаз, произнёс вполголоса:

— За здоровье и возвращение Императора!

Мы повторили его жест, повторили его слова и, осушив бокалы, разошлись, причём каждый направился туда, куда его звал долг.

Таков был первый завтрак, который я поделил с новыми товарищами, завтрак, который мы повторяли каждый месяц, даже после смерти Императора.

В 1822 году наши встречи внезапно прекратились; некоторые из этих бедняг, слишком свободно высказывавшие свои политические мнения, были уволены после прихода господина Делава в полицейскую префектуру, а остальные оказались настолько разбросаны по различным службам, что собираться по-прежнему стало уже невозможно.

К тому же в эту пору доноительство вошло у служащих в повседневный обычай; друзья и даже родственники шпионили друг за другом, наблюдали друг за другом, и нередко случа-

лось видеть, как двое близких друзей взаимно предавали друг друга в надежде, что их предательство поможет им продвинуться по службе.

III

ГОСПОДИН АНГЛЕС, ПРЕФЕКТ ПОЛИЦИИ

Господин Англес был призван в полицейскую префектуру ... 181... года. В ту пору Конгрегация обладала неограниченным влиянием на государственные дела. Новый префект верно служил Наполеону; но, чтобы заставить иезуитов и эмигрантов забыть о своей прежней приверженности Империи, он с неослабевающей ненавистью преследовал всех бонапартистов; он присвоил себе право толковать общественное мнение так, как ему заблагорассудится. Тогда полицейские агенты, желая угодить новому хозяину и получить награды, обещанные за их отвратительные услуги, пустили в ход все средства, отвергаемые честью и порядочностью и позорящие тех, кто ими пользуется, не меньше, чем они губят своих жертв.

Префект находил тем более ревностных помощников в своей полицейской деятельности, что агенты, служившие ещё со времён Империи, ради удовлетворения своей алчности наперёбой становились провокаторами и доносчиками. Некоторые из новых агентов, бывшие военные, присоединились к первым и даже превзошли их, чтобы доказать свою преданность Бурбонам. При необходимости я мог бы назвать нескольких таких агентов, которые, преследовав бонапартистов при Реставрации, при Июльском правительстве с не меньшим ожесточением травили легитимистов. Один из них в 1849 году написал господину префекту Карлье письмо с просьбой восстановить его на прежней должности, надеясь, без сомнения, что сможет преследовать одновременно и легитимистов, и орлеанистов, и республиканцев. Но письмо его осталось без ответа.

Надо признать, что полиция, к несчастью, слишком часто сама способствовала падению своего престижа, принимая в число агентов людей, нравственность или политические убеждения которых оставляли желать много лучшего. Выбирая подобные орудия для исполнения предписываемых ею мер, она даёт повод думать, будто желает держать на жалованье людей, которые не постыдятся ничего и согласятся на самые произвольные действия. Между тем она не может заблуждаться относительно того, какое суждение вынесет о ней общественное мнение. По моему убеждению, полиция должна принимать в число своих агентов лишь людей, честность и нравственность которых служили бы надёжным залогом добросовестного и порядочного поведения.

Желающему получить представление о нелепой и притеснительной полиции эпохи Реставрации следует прочитать «Разоблачённую полицию» Фромана, начальника бригады при кабинете префекта Делава, и «Чёрную книгу» Грелана, офицера охраны порядка. Правда, сведения, которые они приводят, состоят лишь из копий донесений о наблюдении за людьми, ставшими жертвами клеветнических доносов, продиктованных ненавистью или жадой мести со стороны агентов. Трудно поверить, чтобы руководители полицейской префектуры позволили своим политическим страстям ослепить их до такой степени, что давали ход лживым донесениям своих агентов, и тем не менее это чистейшая правда!

Господин де Беллейм начал очищать своё ведомство не только от агентов-провокаторов, но и от тех, за кем числились дурные поступки в прошлом. К сожалению, слишком недолгое пребывание его во главе полицейской префектуры не позволило довести эту реформу до конца, а его преемник, господин Манжен, совершенно её забросил.

Возвращаясь к господину Англесу.

Когда министерство под влиянием иезуитов, эмигрантов и королевской камарильи намеревалось провести через Палату депутатов закон в интересах господствующей партии, чрезмерно необычный бюджет или принять реакционные меры, полиция более или менее макиавеллистическими средствами отвлекала внимание от политических дел. Так, в 1817 году она устроила на улице Монтескьё дождь из мелких серебряных монет, причём никто не мог понять,

откуда они берутся. Эта улица и соседние с нею были запружены толпой любопытных: одни подбирали деньги, падавшие им прямо на нос, другие пытались разгадать это явление. Добрые люди говорили, что это дьявольское искушение и что всякий, кто прикоснётся к этим деньгам, будет навеки проклят; другие полагали, что перед ними фокус из области физики; но наиболее проницательные догадывались о полицейской махинации. Некоторые газеты, чтобы придать этому фокусу больше правдоподобия, объявили, будто власти обыскали, хотя и безуспешно, все дома, желая обнаружить таинственную руку, осыпавшую мостовую таким количеством денег.

Эта комедия ежедневно повторялась к великому удовольствию зевак. Но после трёх недель этого надувательства, когда цель полиции была достигнута, она прекратила денежный дождь, обошедшийся бюджету секретных фондов в тридцать тысяч франков.

Если бы в ту эпоху существовали спиритизм и братья Давенпорт, им, несомненно, приписали бы это мнимое чудо.

В 1819 году полицейская префектура пустила слух, будто некие люди находят жестокое удовольствие в том, чтобы колоть шилом или длинной иглой, прикреплённой к концу трости, молодых женщин, встречающихся им на улицах или бульварах. Газеты, преданные полиции, напечатали эту новость и одновременно опубликовали имена нескольких пострадавших, сообщённые им полицией.

Слух распространился в столице настолько широко, что девушки и женщины больше не осмеливались выходить на улицу без сопровождения отца, брата или мужа. Паника была столь велика, что после наступления темноты на улицах не встречалось ни одной женщины. Чтобы придать этой дьявольской выдумке ещё больше правдоподобия, начальник отдела нравов выбрал десятерых своих подчинённых женщин и распорядился, чтобы они прогуливались по различным кварталам столицы; за каждой из них следовали двое агентов, которым было приказано арестовать человека, если тот её уколет, и в то же время на стенах расклеивали приметы мнимого любителя колоть женщин, предлагая гражданам задержать его.

Месяц спустя, когда фокус был проделан, об этих людях с иглами больше не говорили.

Обсуждение законопроекта о двойном голосовании вызвало бурю страстей в представительном собрании. 29 мая 1820 года Палата должна была высказаться по поправке господина Камиля Жордана, депутата от оппозиции. В этот день господин маркиз де Шовлен, другой депутат от оппозиции, страдавший тяжёлой болезнью, тем не менее велел доставить себя в Палату в носилках. Поправка была принята большинством всего в один голос. Когда эта новость распространилась за пределами Палаты, господина де Шовлена на обратном пути встретили на площади Людовика XV криками: «Да здравствует Хартия! Да здравствует верный депутат!», которые раздавались из многочисленной толпы, уже несколько дней собиравшейся на этой площади.

На следующий день господин Шовлен снова явился в Палату и был встречен народом, запрудившим её окрестности, ещё более сочувственно. Затем, при выходе с заседания, по мере появления депутатов-либералов толпа восторженно кричала: «Да здравствует Бенжамен Констан! Да здравствует Мануэль! Да здравствует Лаббе де Помпьер! Да здравствует Себастьяни!» — и так далее, и так далее.

В последующие дни общественные демонстрации сделались ещё оживлённее. Полиция, полагая, что никакая хитрость уже не сможет отвлечь общественное мнение от этого законопроекта, сочла необходимым прибегнуть к мерам более решительным, чем прежние.

С этой целью 2 июня мы с моими товарищами получили от офицера охраны порядка господина Дабасса приказ явиться на площадь Людовика XV, смешаться с толпой и подзадоривать всех этих негодяев, крича самым так же, как они, и ещё громче. Военные, — добавил он, — по большей части королевские телохранители, тоже придут туда, но в штатском платье

и с тростями и под крики «Да здравствует король!» основательно отколотят всех этих горлопанов, вопящих о Хартии и оппозиции.

Мы направились к Палате депутатов. Там мы разделились на группы по три человека; я остался с Гайетти и Ланфаном, о которых уже имел случай говорить, рассказывая о наших небольших собраниях на улице Прувер. Около трёх часов пополудни со всех сторон стали подходить рослые мужчины с тростями; мы узнали в них переодетых телохранителей. Молодые люди, заполнившие площадь (студенты юридического и медицинского факультетов пришли целыми толпами), также разгадали переодевание этих господ и встретили их криками: «Да здравствует Хартия!»

Прибывшие попытались, но тщетно, несколько раз выкрикнуть: «Да здравствует король!» Их голоса терялись в общем шуме. Тогда они принялись раздавать удары тростями всем, кто оказывался у них под рукой. Молодой писец нотариуса или поверенного по имени Дюран подошёл к ним и обратился с самыми резкими упрёками, справедливо заметив, что они явились вооружёнными тростями, прекрасно зная, что у находившихся на площади людей нет ничего, чем они могли бы защищаться. При этих словах сторонники законопроекта набросились на несчастного юношу и жестоко избили его палками. Охваченный состраданием, я бросился вперёд, а за мной тотчас последовали Ланфан и Гайетти, и с помощью нескольких находившихся рядом людей нам удалось вырвать несчастного писца из их рук.

Мы, разумеется, поостереглись докладывать начальству об этом происшествии. Но нас видели другие инспекторы, которые рассудили иначе, чем мы, и нашли весьма приятным составить небольшой рапорт на своих товарищей.

На следующий день господин генеральный инспектор Фудра вызвал нас троих в свой кабинет, чтобы выразить недовольство нашим вчерашним поведением.

— Как! — сказал он нам, — вас посылают помогать военным, одетым в штатское, а вы поступаете совершенно наоборот! Право, я вас не понимаю! Господин префект хотел вас уволить, но я заступился за вас, и благодаря моему ходатайству вы сохраните свои места. Однако в другой раз хорошенько помните, к какому ведомству вы принадлежите, и впредь умейте лучше исполнять приказы, которые вам будут отдавать.

Господин Фудра по натуре относился к служащим по-отечески. Кроме того, он понимал, что при данных обстоятельствах наше увольнение означало бы официально выдать оппозиции тайну этого дела.

Пока мы спасали Дюрана от избиения палками, в другом месте разыгрывалась более серьёзная сцена. Незадолго до окончания заседания господин де Шовлен покинул Палату и, как всегда, пересекал мост Людовика XVI и площадь Людовика XV в своих носилках. При виде его со всех сторон раздались крики: «Да здравствует Шовлен! Да здравствует верный депутат!»; однако тотчас несколько человек окружили депутата и стали угрожать ему, размахивая тростями, хотя и не решаясь пустить их в ход. Это действие привело толпу в ярость, и началась схватка, прекратившаяся лишь с прибытием вооружённых сил, которые полностью очистили площадь. Почти в то же время студент, юный Лаллеман, сын богатого торговца семьями с улицы Пти-Карро, был убит ружейным выстрелом королевского гвардейца, стоявшего на посту возле решётки сада Тюильри.

На следующий день префект полиции велел расклеить по стенам столицы прокламацию, в которой сборища назывались мятежом, посягательством на общественное спокойствие.

Толпы перестали собираться на площади Людовика XV и в её окрестностях; но каждый вечер между воротами Сен-Дени и Сен-Мартен возникали многочисленные скопления народа. На бульвары посылали агентов не для того, чтобы потребовать от собравшихся разойтись, а чтобы уведомить префектуру, когда плотная толпа преградит движение. Тогда кавалерия с обнажёнными саблями пускалась в атаку галопом и, волей-неволей, неизбежно прокладывала себе путь сквозь эту взволнованную и возбуждённую толпу.

IV ПОЛКОВНИК ЛАБЕДУАЙЕР

Если в обществе и есть нечто гнусное, то это доноительство; сердца леденеют при мысли об этих людях, которые подходят к вам с улыбкой на устах, с распростёртыми объятиями, пожимают вам руку с самыми горячими заверениями в дружбе, а затем идут предавать вас в руки палача. Но если человек, на которого донесли, — благодетель, осыпавший своими милостями того, кто только что его предал, если негодяй, которому некогда помогла щедрая рука, не нашёл в своём сердце вместо благодарности ничего, кроме побуждений к самому подлому предательству, и не остановился перед отвратительной ролью доносчика. О, тогда я вижу, как грудь людей вздымается от отвращения, которое внушает этот человек, а глаза выражают презрение и негодование, которых он заслуживает. Поэтому я не могу удержаться от некоторого волнения, рассказывая следующий случай.

В 1820 году среди состоявших на службе офицеров охраны порядка был невысокий человек плотного телосложения, с живыми глазами, румяным лицом, довольно приятной наружностью, изысканными манерами, употреблявший самые отборные выражения и ведший настолько увлекательную беседу, что её можно было принять за красноречие, наконец, отличавшийся безукоризненным костюмом, неизменно состоявшим из чёрного сюртука и чёрных брюк, а также белого галстука. Таков был внешний облик господина Д***, который был обязан своим положением исключительным услугам, оказанным им полиции при обстоятельствах, о которых я сейчас расскажу.

В юности Д*** был обязан семье Лабедуайеров, и обязан в высшей степени, ибо его приняли в дом совсем молодым и, можно сказать, воспитали в нём. Не раз мать господина Лабедуайера закрывала глаза на некоторые его поступки, которые по доброте душевной называла детскими шалостями и проказами, но которым можно было бы дать куда более серьёзное определение. Наконец, после одного из самых предосудительных проступков Д*** бежал из дома, приютившего его, и отправился в Испанию, откуда возвратился лишь в 1814 году вслед за французской армией. Прибыв в Париж, он попросил принять его на службу в полицию в качестве инспектора и добился этого.

Наступила первая Реставрация, затем возвращение с острова Эльба, Сто дней и, наконец, возвращение Людовика XVIII. Эта вторая Реставрация повлекла за собой многочисленные списки лиц, подлежащих преследованию, и среди тех, кто во время Ста дней примкнул к Наполеону, многие заплатили кровью или изгнанием за преступление, состоявшее в верности своим убеждениям.

Полковник Лабедуайер оказался в числе этих несчастных жертв. Будучи глубоко предан императору, он поспешил присоединиться к нему, когда тот, возвращаясь с острова Эльба, проходил через Гренобль. Разумеется, такой поступок мог лишь сделать его ненавистным роялистской партии; поэтому после Ста дней Лабедуайер был вынужден скрыться. Некоторое время он прятался в провинции, но всё надоедает, даже осторожность, и, покинув надёжное убежище, где он мог бы дожидаться лучших дней или, по крайней мере, найти способ перебраться за границу, он вопреки советам друзей вернулся в Париж, где был арестован в одном из домов предместья Пуассоньер. Доставленный в Консьержери и заключённый там вместе с многочисленными жертвами этой злосчастной эпохи, Лабедуайер оказался лишён всякой связи с внешним миром; однако преданные сердца, искренние друзья заботились о нём и задумали устроить его побег. Душой этого замысла была достойная и почтенная женщина, всецело преданная семье несчастного полковника и готовая, если потребуется, ценой собственной жизни купить освобождение своего дорогого подопечного. Она подготовила и привела в действие все средства для исполнения задуманного; одного из служащих тюрьмы удалось склонить на их сторону за 10 000 франков; оставалось решить только один вопрос: нужно было найти способ вывезти полковника из Парижа сразу после его побега. Судя о других по собственному сердцу, эта добрая

женщина отправилась к Д***; под условием сохранения тайны она сообщила ему о средствах спасения, подготовленных ею и её друзьями для обеспечения бегства Лабедуайера, и рассказала о затруднении, мешавшем ей довести дело освобождения до конца. Затем, напомнив ему обо всём, чем он был обязан полковнику и его семье, перечислив благодеяния, которыми его осыпали, и услуги, которые ему оказали, она стала умолять его присоединиться к ней в этом деле самоотверженности, помогая вывезти Лабедуайера из столицы.

Д***, притворившись растроганным, обещал, что с помощью своего удостоверения полицейского инспектора уберёжёт полковника от всяких нежелательных встреч и облегчит ему проход через заставу. После этого разговора он поспешил в префектуру донести не только о замысле побега, но и обо всех, кто должен был содействовать его осуществлению.

Вскоре после этого Лабедуайер был расстрелян! Д*** в награду за своё гнусное предательство был назначен офицером охраны порядка и получил в качестве награды сумму в десять тысяч франков.

Вот каким образом этот человек купил своё положение ценой крови! Но Провидение не позволило ему долго им наслаждаться; его дурной поступок показывал, сколь мало можно было ему доверять, и с приходом к власти министерства Виллеля в 1821 году Д*** потерял свою должность офицера охраны порядка. Опасаясь тогда разоблачения, он покинул родину. Он отправился в Москву и основал торговое заведение, которое процветало благодаря способностям его жены; но как только он овдовел, удача отвернулась от него, и около 1840 года он решил возвратиться во Францию. Приехав в Париж, он купил меблированную гостиницу. Спустя некоторое время гостиничный служитель однажды утром очень удивился, не увидев, чтобы хозяин спускался из своей комнаты. Сначала он решил, что его новый хозяин спит, затем постучал в его дверь и, не получив ответа, предположил, что тот ушёл очень рано, не предупредив о своём отсутствии; однако день прошёл, наступила ночь, а Д*** так и не появился. На следующий день служитель поделился своими опасениями с соседями; послали за полицейским комиссаром, слесарь отпер дверь, и Д*** нашли повешенным в своей комнате.

Неотступное воспоминание о собственном подлом поступке, стыд, а возможно, и угрызения совести роковым образом привели этого человека к тому, чтобы избрать ту смерть, которой некогда предавали шпионов и предателей.

V

АГЕНТЫ-ПРОВОКАТОРЫ

Некоторое время назад я сидел в саду Тюильри, и мои воспоминания уносили меня к той поре, когда я впервые увидел этот дворец. Вдруг от размышлений меня отвлёк детский голос, звучавший очень сердито; он принадлежал девочке восьми или девяти лет, свеженькой, нарядной, с завитыми волосами, белой кожей, шелковистыми пепельными волосами и большими голубыми глазами. Это прелестное создание самым строгим образом отчитывало своего младшего брата, трёхлетнего малыша. Затем, оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ней никто не наблюдает, она сломала игрушку, которую несчастный ребёнок держал в руке, и принялась изо всех сил его бить. На крики мальчика прибежала няня, которая в это время беседовала о *философии* с барабанщиком одного из наших линейных полков; но едва она появилась, как девочка сказала ей самым естественным тоном: «Как это неприятно! Тебя никогда нет рядом, и мне всё время приходится присматривать за моим маленьким братом, который ломает всё, что у него есть! Я-то расскажу маме!»

Меня возмутили такая вероломная злоба и такое лицемерие в столь нежном возрасте. В моих глазах это было прискорбным предзнаменованием того, какой она станет взрослой. Ход моих размышлений заставил меня представить себе последствия, на которые идут подобные порочные натуры, когда переносят свои дурные инстинкты и двуличие в область политики. Мои мысли естественным образом обратились ко времени Реставрации, когда мне дове-

лось вблизи наблюдать происки, порождённые слепой реакцией, которой помогали алчность и низость приспешников, во все времена готовых служить любой злобе.

Упаси меня Бог утверждать, будто все тогдашние деятели были проникнуты одним и тем же духом; но люди благородного и возвышенного характера, испытанные невзгодами и достойные всеобщего уважения, к несчастью, не составляли большинства; и поскольку общеизвестно, что даже при равенстве сил честные люди всегда уступают дурным страстям, получилось так, что власть досталась *ультрароялистам*, которые притязали на то, чтобы быть большими роялистами, чем сам король, и смотрели на Францию как на завоёванную страну или как на территорию, жители которой были всего лишь прежними мятежными и побеждёнными вассалами.

Под влиянием этого реакционного духа полиция как никогда прежде была отвлечена от своего естественного назначения и почти целиком поставлена на службу удовлетворению обид и расчётам клики, погубившей Бурбонов.

Провокация, это вероломное и гнусное оружие, которое, делая людей своими жертвами, порождает справедливый гнев, была возведена в постоянную систему как для того, чтобы придать видимость законности ограничительным законам, которые стремились выманить у доверчивого монарха, так и для того, чтобы выведывать мнения отдельных людей или масс и мстить за них.

На юг отправили двух полицейских агентов: первый был бывшим военнотружущим Империи, второй — бывшим кузнецом; им поручили открыто продавать, одному — изображения, другому — гипсовые бюсты членов королевской семьи; кроме того, на дне своих коробов разносчиков они держали гравюры и маленькие свинцовые статуэтки с изображением императора, которые тайком предлагали любителям.

Стоило какому-нибудь неосторожному человеку попасться на эту разновидность политической контрабанды, как оба агента, снабжённые исправными паспортами и особыми рекомендательными письмами, чтобы местные власти оказывали им помощь и покровительство, немедленно доносили на нарушителя. Производился обыск в доме, неизбежно заканчивавшийся изъятием запрещённого предмета и арестом его владельца, который очень скоро представлялся перед судом.

В Париже провокации устраивались различными способами.

Добропорядочных рабочих завлекали в кабаки люди, называвшие себя их братьями, носившие такую же одежду и говорившие тем же языком, что и они, и там за стаканом вина подстрекали их высказать мысль, противоречившую действиям правительства; затем мало-помалу устанавливалось доверие; поначалу жаловались робко, а кончали тем, что повышали голос, порицали тех, кто стоял у власти, нападали на самого *короля*; отсюда естественным образом переходили к выражению желания коренных перемен и, по наущению хитроумных агентов, решались окончательно оформить мнимый заговор, которому никогда не суждено было увидеть свет. Тогда под влиянием опьянения подписывали соглашение, составленное среди бутылок; затем, как только документ был подписан, агент-провокатор, который после этого исчезал, доставлял его в префектуру, и в одно прекрасное утро несчастные жертвы этого обмана просыпались в темницах.

Таким же образом поступили даже с бывшим старшим офицером по фамилии Миллар, который придерживался самых пылких бонапартистских убеждений и несколько этого не скрывал. После падения Империи он был среди французов, нашедших убежище в техасском Шан-д'Азиле. Затем он вернулся в Париж, где вскоре сблизился с двумя мнимыми капитанами, называвшими себя Дювернёй и Синар, которые в действительности были не кем иными, как Вовом и Шийном, агентами полиции. Чтобы заманить Миллара в свою ловушку, они выдали себя за яростных бонапартистов и разжигали недовольство полковника правительством. Однажды вечером, между фруктами и сыром, они склонили его поставить подпись под мнимым соглашением, дословную копию которого я привожу ниже:

«Мы клянёмся, Жан-Батист Миллар, барон де Сюлли, подполковник 9-го гусарского полка, Никола-Огюст Дювернёй и Жак-Жан Синар, оба капитаны кавалерии, умереть за подлинную свободу без королевской власти, если только не за Наполеона Второго.

Составлено в Париже 20 марта 1820 года.

«Подписали: Миллар, Дювернёй, Синар».

Оба агента поспешили передать этот документ в префектуру полиции; Миллар был арестован и приговорён к десяти годам изгнания.

VI

1820–1830

ГЕНЕРАЛ БЕРТОН И ПОЛКОВНИК КАРОН

Всем известны заговоры в Сомюре и Кольмаре; но роль, которую сыграла в них полиция, до сих пор остаётся тайной, о которой я расскажу в нескольких словах.

Заговор в Сомюре.

В ту пору полиция видела заговорщиков во всех военных; генералы, офицеры и солдаты были в её глазах виновны и только и стремились к свержению правительства Бурбонов.

Полиция знала, что генерал Бертон был одним из самых пылких бонапартистов и что он жил на улице де ла Тур-д'Овернь; префект полиции узнал из писем, перехваченных и распечатанных в чёрном кабинете, что Бертон стоял во главе заговора, центром которого был Сомюр. Был выдан приказ о его аресте. Но в тот момент, когда полицейские агенты и жандармы из Парижа прибыли, чтобы арестовать его, он увидел из окна, как они совещались на улице; это скопление сил навело его на мысль, что они пришли за ним; он тотчас бежал через дверь, выходящую в сад; агент, перелезший через стены, попытался преградить ему путь; но генерал, вооружённый пистолетом, выстрелил, чтобы напугать его. Агент, охваченный страхом, убежал со всей возможной поспешностью.

Префект, недовольный этой неудачей, отправил в Сомюр тайного агента Дега..., бывшего капитана, награждённого крестом Почётного легиона. Прибыв в этот город, он узнал, что генерал Бертон находится в Туаре, где он поднял трёхцветное знамя; Дега... бросился за ним в погоню и встретил его в Монтрёе, когда тот со своими сторонниками направлялся к Бриону, где из опасения внезапного нападения все разбежались кто куда. Генерал и Вольфен, вахмистр карабинеров, один из заговорщиков, отправились искать убежища у господина Делаланда в Сен-Флоране; агент, следовавший за генералом во время его передвижений, посылал донесение за донесением, сообщая об укрытии Бертона и его сообщника и требуя указаний для их ареста.

Дега..., не знавший, что Вольфен присоединился к заговору и находился при генерале лишь по приказу, никак не мог понять, почему ему так долго не отвечают. Но вскоре его нетерпение было удовлетворено, поскольку 17 июня генерал отправился на охоту вместе со своим спутником и по возвращении был арестован, к величайшему изумлению агента.

Бертон был гильотинирован в Пуатье 5 октября 1822 года; Вольфен получил офицерский чин, а Дега... — три банкноты по тысяче франков.

Заговор в Кольмаре.

Подполковник Карон нисколько не скрывал своих бонапартистских убеждений; напротив, он высказывал их повсюду и при каждом удобном случае. Полиция, давно уже следившая за ним, полагала, что сможет от него избавиться, причислив его к участникам военного заговора 19 августа 1820 года; но палата пэров оправдала его за недостаточностью улик. Как только он оказался на свободе, он отправился в Кольмар, где надеялся спокойно жить возле своей жены и сына. К несчастью, он не принял в расчёт полицию, которая намеревалась вновь захватить ускользнувшую от неё добычу; она послала в Кольмар тайного агента Дюкло, самого хитрого и самого бесчестного плута, какого мне доводилось знать за всю жизнь. Тот представился полковнику бывшим офицером, которого полиция преследовала за его политические убежде-

ния. Карон был откровенен, честен и общителен, но душа его была истерзана несправедливым заключением, которому его подвергли, и притеснениями полиции в отношении бывших офицеров Империи.

Карон сердечно принял Дюкло. И последнему вскоре удалось завоевать доверие полковника и узнать самые сокровенные его мысли; он известил префекта полиции о замыслах Карона; к нему явились два агента, поступили в его распоряжение и доставили приказ поощрять полковника в его намерении и, если потребуется, деятельно ему содействовать, однако самому ни в какой мере не заниматься способами ареста. Когда все приготовления были сделаны, полковник назначил заговорщикам встречу в Руффаке; когда все собрались, он надел свой мундир под крики: «Да здравствует император!»

Тогда заговорщики, которые были офицерами, унтер-офицерами и солдатами, переодетыми по приказу в штатское платье, окружили его и арестовали.

Несчастный сломя голову угодил во все расставленные ему ловушки. На основании показаний этой новой разновидности провокаторов, получивших в награду повышение по службе, он был приговорён к смерти.

Дюкло получил шесть тысяч франков, а двое других — по две тысячи франков каждый.

Два агента, обманувшие друг друга.

Два тайных агента, по фамилии Ван... и Бла..., совершенно не знакомые между собой, встретились однажды вечером за одним столом в кафе Ламбен в Пале-Рояле. Первый принадлежал к управлению полиции, а второй — к военной полиции. Ван..., читавший «Монитор», вдруг воскликнул: «Когда же всё это кончится?» И в то же время он передал газету Бла..., указав ему на ордонанс, восстанавливавший цензуру. Тот ответил со вздохом: «Надо надеяться, что этому придёт конец!» Разговор продолжался в том же духе; они вместе вышли и отправились прогуляться по саду, чтобы побеседовать, и там, переходя от одного доверительного признания к другому, Ван... дошёл до того, что намекнул Бла..., будто правительство вскоре сменится.

Оба наших агента, назвавшиеся друг другу офицерами Империи на половинном жалованье, расстались, по-видимому весьма довольные один другим, условившись встретиться завтра в саду Тюильри. В назначенный час оба, как и было условлено, находились на террасе со стороны реки, где сначала говорили о посторонних вещах. Но когда Людовик XVIII проезжал в коляске по набережной, Ван... сказал своему собеседнику, понизив голос:

— Как бывший офицер Империи, вы, должно быть, преданы Наполеону?

— Предан ли я ему! — подхватил Бла... — Я отдал бы свою кровь, свою жизнь за моего императора!

— Что ж, если это так, приходите завтра в полдень к виноторговцу на углу улицы Тампль и одноимённого бульвара; спросите господина Дюваля (таково было его конспиративное имя); там я представлю вас нескольким своим друзьям, бывшим военным, которые смотрят на вещи и думают так же, как мы.

Бла..., явившись на условленную встречу, был проведён в комнату на втором этаже, где мнимый Дюваль сидел за столом с пятью людьми, пившими белое вино; Ван... представил вновь прибывшего своим друзьям как доброго и истинного бонапартиста. Это заявление заставило собравшихся встретить его с величайшей предупредительностью, и вскоре один из них объявил ему, что заговор, разветвления которого охватывали все слои общества, вот-вот должен разразиться, чтобы свергнуть правительство Бурбонов и провозгласить Наполеона II. «Надеюсь, — добавил он, — что мы можем рассчитывать на вас при осуществлении этого замысла?»

Бла..., которому хотелось узнать все подробности этого заговора, ответил, что, прежде чем обещать своё содействие, он желает получить сведения о людях и обстоятельствах дела. Все одобрили это доказательство осмотрительности и обещали ввести его в курс дела, сообщив

ему список заговорщиков. Расстались, условившись встретиться на следующий день в тот же час и в том же месте.

Оба агента отправились, каждый со своей стороны, отчитаться перед начальством: первый сообщил, что всё идёт как нельзя лучше и что он приобрёл нового сторонника; второй поведал о заговоре, который, как он полагал, ему удалось раскрыть и в который он, по его словам, был посвящён. Последнему разрешили проследить за этим делом во всех подробностях.

Второе собрание было гораздо многочисленнее первого. Бла... держался уступчивее. Поэтому вскоре установилось доверие, и после обильных возлияний он попросил показать ему план, принятый для обеспечения успеха предприятия; ему сообщили список, содержащий имена нескольких генералов Империи и старших офицеров, которые только и ждали момента, чтобы действовать, развернуть трёхцветное знамя и овладеть Тюильри, где у них были свои люди.

Прежде чем разойтись, Ван... заметил, что, дабы не возбудить подозрений полиции и виноторговца, необходимо выбрать для собраний другое место. Тогда условились, что на следующий день лишь некоторые члены общества соберутся в Куртиле, в кабаке с вывеской «У великого победителя». Когда все там собрались, Ван... объявил, что накануне у генерала Пажоля состоялось многочисленное совещание высокопоставленных особ, на котором единогласно решили, что пора действовать; затем он добавил в заключение, что если найдётся человек настолько подлый, чтобы продать своих братьев, он немедленно поплатится за это жизнью! Ван... с особой силой подчеркнул последние слова; все, протянув руки как бы для принесения клятвы, одобрили это решение.

Собравшиеся разошлись, условившись встретиться на следующий день. Ван... и Бла... снова отправились сообщить своим начальникам обо всех этих обстоятельствах; последний получил сто франков с приказанием следить за всеми этапами заговора.

Полиция, полагая, что настало время положить конец этому заговору, приказала на рассвете арестовать Бла..., равно как и всех членов общества, за исключением своих агентов. Бла... отвели в арестантское помещение префектуры полиции, а после восьми дней содержания без всякого сообщения с внешним миром перевели в тюрьму Ла-Форс, где он вновь встретил часть людей, которых видел на различных собраниях.

На первом допросе он заявил, что является агентом военной полиции и что он доносил о заговоре; но на его заявление не обратили никакого внимания. Тогда он написал своему начальству, сообщая о своём аресте и требуя освобождения. Начальники вступились перед полицией за своего агента, представив донесения, которые он им подавал. Это обстоятельство, разоблачавшее все уловки, к которым прибегла полиция, чтобы сфабриковать заговор, привело её в ярость, и, чтобы отомстить Бла..., виновнику этой неприятности, его продержали в тюрьме целый месяц, несмотря на требования военных властей.

Это дело вызвало некоторый шум, и полиция, не имея возможности предать обвиняемых суду из опасения скандала, была вынуждена освободить их. Всё это осталось замалчиваемым под покровом цензуры; но в известных кругах немало смеялись над двумя агентами, которые, обманув друг друга, взаимно донесли один на другого.

VII

МАТЕО И ТАНЦОВЩИЦА

В конце 1820 года господин Дабасс, мой офицер охраны порядка, вызвал меня к себе и сказал:

— В доме на улице Ле-Пелетье, напротив здания, которое сейчас строят для Королевского оперного театра, живёт дама с двумя дочерьми, весьма хорошенькими особами лет двадцати. Каждый вечер к ним приходит один мужчина и проводит с ними весь вечер. Господин Англес, префект полиции, желает узнать, кто этот человек; но если он заметит, что за ним

следят и что за ним установлено какое бы то ни было наблюдение, вы лишитесь своего места. Умному достаточно!

Признаюсь, я был весьма озадачен: следовать за человеком, которого совершенно не знаешь, и следовать так, чтобы он ни в малейшей степени об этом не догадывался; выяснить, кто он, чем занимается, где живёт, — всё это представлялось мне делом весьма трудным, особенно ночью. Но поскольку я придерживаюсь того правила, что на свете нет ничего невозможного, и поскольку других средств к существованию, кроме жалованья по службе, у меня не было, я смело принялся за дело.

Расставшись с господином Дабассом, я отправился на улицу Ле-Пелетье, чтобы ознакомиться с подступами к нужному месту. Дом был красивый, большой, с аристократическим видом. Я вошёл к консьержу, который занимался сапожным ремеслом.

— Сударь, — сказал я ему, учтиво поклонившись, — мне хотелось бы поговорить с вами наедине; не могли бы вы уделить мне несколько минут внимания?

Этот цербер приподнял очки и некоторое время разглядывал меня; затем, после этого осмотра, который, хотя и был кратким, оказался весьма основательным, он ответил мне с выговором жителей Севера: — Что ж, выйдем!

Как видите, этот высокий сановник был далеко не любезен; но я знал лучший способ его приручить и, едва он вышел в проход, сказал ему: — Боже мой, сударь, то, что я должен вам сообщить, настолько важно, что мне совершенно невозможно говорить с вами здесь, где беспрестанно ходят люди; если бы вы оказали мне удовольствие принять стакан вина в отдельной комнате у соседнего виноторговца, думаю, нам было бы там гораздо удобнее, чем здесь.

— Тогда ступайте вперёд: я буду к вашим услугам через минуту; и он вернулся в свою каморку, чтобы снять традиционный кожаный фартук.

Когда мы уселись друг против друга и откупорили бутылку бордо, имея в виду и вторую, я начал разговор следующим образом:

— Мне показалось, что вы с Севера, поскольку у вас фламандский выговор.

— Совершенно верно, я из Сент-Омера, а точнее, из предместья О-Пон.

(В этом предместье говорят по-фламандски, тогда как жители городов говорят по-французски.)

— Вот как, — сказал я ему, — это удивительно, мы с вами земляки! И в доказательство я назвал ему множество жителей Сент-Омера, которых он прекрасно знал, и, продолжая беседовать, заставлял его пить рюмку за рюмкой. Должен смиренно признаться, что мне почти не пришлось стараться, чтобы привить ему вкус к вину: добряк только и просил, чтобы ему давали опорожнять стакан. Когда мы осушили три бутылки (я едва не сказал: когда он их осушил), мне показалось, что язык у него заметно заплетается и что настал подходящий момент перевести разговор на даму с двумя барышнями. Тогда, притворившись, будто доверяю ему тайну, я сказал: — Мой хозяин, господин маркиз де Гранмезон, молодой человек, несметно богатый, у которого я имею честь состоять камердинером или, вернее, доверенным лицом, около месяца назад встретил на бульваре даму с двумя барышнями, живущими на третьем этаже вашего дома. Вспыльчивый, как все молодые люди, он без памяти влюбился в младшую. Он тотчас последовал за ней, чтобы узнать, где она живёт, и таким образом выяснил, что её мать — ваша жилища. Поначалу рассудок взял верх и посоветовал ему отказаться от этой затеи; но любовь наконец вновь вступила в свои права, и он решил узнать, кто же та, что, пленив его сердце, лишила его всего покоя, которым он прежде наслаждался. Поэтому я и решился прийти к вам, чтобы узнать, кто эти дамы. Будьте уверены, что, если вы согласитесь помочь моему хозяину в его любви, вас вознаградят с необычайной щедростью, ибо он ещё щедрее, чем влюблён.

Добряк превосходно попался в ловушку и, приняв простодушный вид, ответил мне:

— Ей-богу, я только рад буду услужить господину вашему хозяину и, чтобы доказать это, расскажу вам всё, что знаю, а это недолго. Мамаша, называющая себя госпожой де Сент-Амур,

выдаёт себя за вдову старшего офицера; но, по правде сказать, я не верю ни единому её слову. Мне сдаётся, что мать и дочери попросту интриганки; в доме они ни с кем никаких отношений не поддерживают и принимают только одного господина, который, как мне думается, и есть их провидение; каждый вечер он приходит в десять часов, а уходит лишь в час ночи.

— Но кто же этот господин?

— О! Этого я не знаю; мне неизвестны ни его имя, ни положение; зато я прекрасно знаю, что этот господин начинает мне надоедать. Так продолжается с тех пор, как они здесь поселились, то есть уже шесть месяцев, и вы не поверите, что, хотя каждый вечер из-за него я вынужден бодрствовать на час дольше, я до сих пор не видел и цвета его денег.

— Чёрт возьми! Господин маркиз будет в восторге, узнав все эти подробности, и сумеет вас за них как следует отблагодарить. Но как вы думаете, с которой из дочерей этот господин состоит в любовной связи?

Услышав от меня, что мой мнимый хозяин боготворит младшую, старый цербер ответил с невозмутимой уверенностью:

— Со старшей! Я в этом уверен, готов руку в огонь положить!

— Всё равно, — добавил я, — было бы хорошо узнать, кто этот человек.

— Разумеется, но как вы намерены это сделать?

— Ей-богу, я вижу лишь один способ: этой ночью я стану на караул на ступенях Оперы и буду ждать, пока наш человек выйдет; когда он спустится по лестнице, вы выйдете из своей каморки, проводите его до уличной двери и укажете мне на него, сняв фуражку; остальное — моё дело. Затем, взглянув на часы: — Уже поздно, — добавил я, — я вас оставляю, благодарю, до вечера; бегу сообщить господину маркизу эти хорошие вести.

С первым ударом полуночи я уже находился на ступенях Оперы, ожидая выхода таинственного посетителя, чтобы проследовать за ним до его жилища. В четверть второго я увидел, как у двери появился консьерж с очень хорошо одетым господином и подал условленный знак. Мой незнакомец направился к бульвару, где свернул налево и пошёл в сторону ворот Сен-Дени. Стоял лютый мороз, и потому он пустился бежать изо всех сил. Я последовал за ним, но едва он услышал стук моих сапог о мостовую, как резко остановился, желая проверить, не следят ли за ним. Мы находились почти напротив улицы Сантье; я ни мгновения не колебался и, продолжая бежать, пересёк проезжую часть, бросился в эту улицу и укрылся в подворотне; затем, услышав, что он снова пустился в путь, я снял сапоги, взял их в руки и вновь последовал за ним. Так он довёл меня до ворот Сен-Мартен, постучал в дом, примыкавший к театру, и исчез, закрыв за собой дверь.

Я знал, где он ночевал, но мне ещё предстояло узнать его имя. Это было труднее всего, потому что, если бы в столь поздний час я стал расспрашивать консьержа, тот, удивившись, непременно сообщил бы об этом на следующий день своему жильцу. Каждая минута была дорога, время поджимало, и я, вновь надев сапоги, прибегнул к рискованному средству: разбив лёд в сточной канаве, я окунул туда свой бумажник, а затем сам постучал в ту дверь, через которую вошёл мой человек. Мне открыли; к довершению моего счастья, консьерж ещё не спал.

— Сударь, — сказал я ему, показывая свой насквозь мокрый бумажник, — я только что нашёл это в сточной канаве напротив вашего дома; мне показалось, что совсем недавно сюда вошёл какой-то господин и, быть может, этот бумажник принадлежит ему.

Произнося эти слова, я принялся рыться в отделениях своей мнимой находки, словно отыскивая какую-нибудь подсказку относительно её владельца, и одновременно спросил имя человека, только что вернувшегося домой.

Привратник сообщил мне, что это господин Матео, богатый финансист, который, по правде говоря, не жил в этом доме, но очень часто приходил сюда ночевать к актрисе театра Порт-Сен-Мартен, мадемуазель Б***, которую он щедро содержал и чьими грациозными формами весь Париж спешил любоваться в *«Целомудренной Сюзанне»*.

Я узнал всё, что хотел узнать, и, взяв адрес, который на всякий случай приготовил заранее, сказал:

— Сударь, — сказал я ему, — мне очень жаль, что я напрасно вас побеспокоил; но я только что заметил письмо на имя владельца этого бумажника, господина Давида, бульвар Пуассоньер, 27, и завтра утром с удовольствием доставлю ему и сам бумажник, и его содержимое; ещё раз, сударь, простите!...

Я доложил о своих действиях своему офицеру охраны порядка; он поздравил меня и передал префекту мой рапорт дословно.

Два дня спустя господин Англес велел генеральному инспектору господину Фудра передать мне поздравления.

Вот первое дело, которое я выполнил на полицейской службе, и я буду помнить его всегда, потому что тогда заработал обморожения, которые и поныне каждый год причиняют мне ужасные страдания.

Вскоре после моей ночной вылазки Матео, кассир Казначейства, бежал, оставив в своей кассе недостачу в 1 800 000 франков. После его исчезновения я присутствовал при обыске, который полиция сочла необходимым провести на квартире мадемуазель Б*** в надежде найти там какие-либо следы, способные вывести её на беглеца; к несчастью, мы не нашли того, что искали.

Двадцать лет спустя французская полиция отправила агентов Балестрино и Флехмана в Карлсруэ за бывшим кассиром Матео, содержавшимся там под стражей по делу о торговых векселях, и велела этапировать его на каторгу для отбывания назначенного ему наказания в пятнадцать лет принудительных работ.

VIII

ЗАГОВОР 19 АВГУСТА 1820 ГОДА

Преступление Лувеля было искусно использовано партией ультрароялистов и Конгрегацией. Свобода печати была, можно сказать, приостановлена, цензура с небывалой суровостью давила на все газеты хотя бы сколько-нибудь либерального направления. Такое положение вещей было крайне тяжёлым. Хотели запугать противников, а сумели лишь придать оппозиции новые силы. Недовольство царило повсюду, и прежде всего в армии. Несмотря на назначения аристократов на офицерские должности, офицерский корпус в ту пору всё ещё состоял большей частью из офицеров Империи, которых ультрароялисты искренне ненавидели, но которых за неимением лучших вынуждены были сохранить. Старые вояки, седые усахи, прошедшие с Императором большинство его сражений и, избежав стольких опасностей, готовые пожертвовать жизнью ради своего кумира, все эти суровые ворчуны, говорю я, находя повод осуждать действия правительства, делились друг с другом своими воспоминаниями, сожалениями, желаниями; было решено составить заговор; это был единственный военный заговор, имевший место в Париже при Реставрации; но, как мы увидим, благодаря искусной организации он имел шансы на успех.

К заговору примкнули офицеры легионов Нора, Мёрта, Кот-дю-Нора, легиона Сены, стоявшего тогда в Камбре, полковники, командиры батальонов и другие старшие офицеры, находившиеся в отставке на половинном жалованье; целью заговора было захватить офицеров, не разделявших их взглядов и способных им воспрепятствовать, а затем овладеть Тюильри, городской ратушей, Венсеном и провозгласить Наполеона II.

Это дело готовилось давно, в департаменты были посланы эмиссары, чтобы подготовить умы и привлечь сторонников среди бывших солдат Империи. Наконец, разветвления заговора простирались до самого венского двора, откуда предполагалось похитить короля Рима, чтобы он прибыл занять престол своего отца.

В каждом полку был назначен руководитель, которому надлежало передавать распоряжения комитета офицерам, участвовавшим в заговоре. Капитан Декевовилье руководил заговор-

щиками в легионе Нора; Нантиль — в легионе Мёрта; Деламотт — в легионе Сены; Лавердери и Трогоф также имели свои командования, тогда как вне армии тоже были избраны руководители, и среди последних я назову лишь господина Соссе, бывшего полковника, получавшего тогда половинное жалование и открывшего на улице Каде базар, благодаря которому главные заговорщики могли, не вызывая подозрений, собираться в его комнатах, чтобы договориться об осуществлении своего замысла.

Однако это обстоятельство стало известно, ибо однажды Гайетти, Байе и мне поручили особенно внимательно наблюдать за этим заведением, чтобы установить, кто были те люди с военной выправкой, которые приходили навещать полковника Соссе. Для этого, расположившись снаружи базара, мы тщательно примечали входивших туда; затем, когда кто-нибудь по своей наружности казался нам военным или бывшим военным, один из нас следовал за ним внутрь, чтобы выяснить, был ли это любопытствующий посетитель или человек, пришедший повидаться с полковником, и в последнем случае Байе следовал за ним при выходе и не оставлял его, пока не узнавал его имя и адрес.

Это наблюдение продолжалось более пятнадцати дней; большое число посетителей, тайком приходивших к бывшему полковнику, вскоре убедило нас, что речь шла о заговоре, все нити которого находились в руках правительства.

Утром, около девяти или десяти часов, я являлся к своему офицеру охраны порядка, господину Дабассу, которого неизменно заставал в постели и который велел мне читать вслух рапорт за предыдущий день. В последние дни я заметил, что всякий раз, когда я упоминал капитана Х***, господин Дебасс прерывал меня и в конце концов даже сказал:

«Хорошо, хорошо! Дальше! Этого мы знаем! Мы прекрасно знаем, что он делает».

С этого времени для меня стало очевидно, что Х*** был предателем, выдавшим заговор, и что теперь он играл роль агента-provокатора.

Тогда я понял истинный смысл замечания, которое мысленно сделал о капитане Х***, который всякий раз, приходя на базар, особенно пристально смотрел на нас и притом так, словно хотел сказать мне: «Я знаю, что вы здесь, я знаю, зачем вы сюда приходите, но мне до этого нет дела, мне нечего бояться, напротив».

Впрочем, в префектуре уже начали перешёптываться о том, что вот-вот разразится военный заговор и что тайные агенты поддерживают непосредственную связь с одним из его руководителей.

Наконец, 19 августа, в девять часов, были приведены в исполнение предписания о приходе некоторых из офицеров, замешанных в этом деле, а легион Мёрта, размещавшийся в казармах Нувель-Франс, в предместье Пуассоньер, получил приказ немедленно выступить.

В ту ночь вся полиция была поднята на ноги; опасались, что приказ о выступлении ускорит события и приведёт к взрыву мины. Поэтому агенты расположились возле казарм, чтобы следить за любым движением и немедленно задерживать нарушителей, но эта предосторожность оказалась бесполезной. Несколько главных заговорщиков, увидев, что дело проиграно, бежали, остальные благоразумно затаились в надежде когда-нибудь взять реванш! Впрочем, что бы они ни предприняли, меры предосторожности были приняты столь основательно, что заговор не имел ни малейшего шанса на успех.

Что касается капитана Х***, то он тоже исчез, но с помощью паспорта, выданного ему властями, которые прибавили к нему туго набитый бумажник.

IX

БОЧОНОК ПОРОХА В ТЮИЛЬРИЙСКОМ ДВОРЦЕ

Убийство герцога Беррийского глубоко потрясло всех порядочных людей, каких бы убеждений они ни придерживались; но поскольку политические страсти редко руководствуются чувством справедливости, осуждение, вызванное подобным злодеянием, послужило поводом для взаимных обвинений партий. Роялисты обвиняли в этом преступлении либералов, кото-

рые, со своей стороны, возлагали вину на иезуитов. Господин Мартенвиль в газете «*Белое знамя*» открыто нападал на министра Деказа, фаворита Людовика XVIII, обвиняя его в своего рода соучастии в покушении Лувеля. Кроме того, господин Клозель де Куссерг произнёс с трибуны палаты депутатов следующие знаменательные слова, намекавшие на предполагаемое нравственное соучастие министра: «*Его нога поскользнулась в крови!*»

Король заменил министра Деказа полулиберальным кабинетом (Симеон, бывший министр короля Жерома в Вестфалии); но этот кабинет делал то слишком много, то слишком мало, чтобы примирить всех, и в то время как либералы утверждали, что он препятствует движению прогресса, ультрароялистов он отталкивал незначительными уступками. Тогда последние пустили в ход все средства, чтобы добиться от короля отставки министерства Симеона и замены его людьми, хорошо известными своим роялизмом и преданностью иезуитам; но, поскольку все интриги, затеянные с целью повлиять на государя, ни к чему не приводили, вожаки решили нанести сильный удар, чтобы преодолеть то, что они называли упрямством короля, и, поскольку для достижения успеха в политике истощение не останавливается ни перед какими средствами, они придумали адскую уловку. Для её осуществления выбрали некоего Н***, человека без положения в обществе, без чести, проигравшего всё своё состояние, телом и душой преданного Обществу Иисуса. Взрывы петард произошли: один возле кафе «Режанс», другой на площади Каррузель и третий у Казначейства.

На следующий день, 29 января 1821 года, небольшой бочонок с тремя или четырьмя фунтами пороха был поставлен на третьей лестничной площадке внутренней лестницы, ведущей к покоям госпожи герцогини Ангулемской. Бочонок был скрыт под корзиной для сушки белья и снабжён просернённым фитилём, который Н*** поджёг около без четверти пяти вечера, после чего проворно спустился по лестнице и ещё поспешнее покинул Тюильри. Несколько секунд спустя произошёл взрыв такой силы, что стёкла в покоях герцогини Ангулемской и в кабинете короля разлетелись вдребезги, а грохот был настолько сильным, что его слышали на Елисейских Полях.

Господин генеральный прокурор Беллар, королевский прокурор Жакино де Пампелюн, заместитель прокурора Бургиньон и префект полиции Англес прибыли во дворец, чтобы приступить к расследованию и собрать первые сведения при содействии комиссара полиции, офицеров охраны порядка и инспекторов.

Как нетрудно догадаться, знатные подстрекатели этого ужасного покушения отнюдь не последними явились к магистратам, которым было поручено руководить расследованием, и все их ухищрения были направлены на то, чтобы вся тяжесть обвинения и доказательства виновности легли на *врагов трона и алтаря, на либералов*. Я прибыл в Тюильри вместе с офицером охраны порядка Дабассом и следил за этим делом во всех подробностях.

Были арестованы и доставлены в префектуру полиции, несмотря на самые решительные их отрицания, несмотря на слёзы и мольбы, два несчастных маленьких савояра, которые накануне прочищали дымоход возле покоев короля и которым было едва ли по десять лет; их допрашивали обо всём, всеми возможными способами, но они неизменно отвечали только следующее: «Мы ничего не знали, мы не видели никакого бочонка, мы не знаем, о чём вы нам говорите».

Когда их заключили под стражу в префектуре, каждого поместили в отдельную комнату вместе с агентами Фроманом и Дельпешем, которым было поручено выступать в роли *подсадных осведомителей*, то есть разговаривать мальчиков и добиться от них признания в участии в преступлении, которое им вменяли.

Утверждали, что эти бедные дети, подкупленные каким-нибудь заклятым врагом Бурбонов и соблазнённые обещанием некоторой суммы денег, согласились перенести небольшой бочонок внутрь дворца, не понимая значения своего поступка. Агент Фроман, который, надо сказать, отличался чем угодно, только не терпением, и был заперт вместе со старшим из них,

наскучил этой жизнью и попросил разрешения отлучиться на несколько часов; его просьбу удовлетворили и выпустили его под предлогом отправки к следственному судье. Фроман обещал вернуться до конца дня, но его напрасно прождали. Тогда возникло опасение, что, выведав тайну у маленьких трубочистов, он отправился предупредить организаторов заговора, чтобы получить от них денежное вознаграждение, соразмерное опасности, которой подвергли бы их разоблачения, возможные с его стороны. Господин Англес тотчас выдал ордер на арест Фромана, которого удалось найти лишь на третий день и который, вновь водворённый в свою камеру, оставался там целую неделю. В это время маленьких савояров отпустили, равно как и их *подсадного осведомителя*; правосудие захватило настоящего виновника: Н*** был арестован.

Этот арест не мог не вызвать чрезвычайного неудовольствия у некоторых лиц, которые могли оказаться скомпрометированы, заговори этот человек; но одно весьма необыкновенное происшествие вывело их из затруднения. Офицер охраны порядка и двое агентов, арестовавших виновного, вели его к следственному судье, когда, проходя по коридору перед кабинетом судьи, Н*** перерезал себе горло бритвой в присутствии трёх своих конвоиров.

После этого странного самоубийства по столице распространились и передавались из уст в уста слухи, более или менее смешные, более или менее нелепые, но и более или менее правдивые. Под обвинение попали все, кроме, быть может, истинных виновников; но в этом деле, как и во многих других, им было суждено остаться незамеченными, поскольку их положение и могущество при любых обстоятельствах обеспечивали им безнаказанность.

Х

ПРОДЕЛКА С ПОПУГАЕМ

Абсолютистский строй, существовавший в Испании, породил недовольство у части населения, и идеи либерализма, зарождавшиеся в некоторых головах, вскоре нашли многочисленных приверженцев среди военных. В 1820 году полковники Кирога и Риго вовлекли войска, собранные на острове Леон, в восстание во имя свободы и своим поведением, встав во главе выступления, заставили Его Католическое Величество присягнуть конституции. Французские либералы поддерживали испанскую либеральную партию своими пожеланиями и содействовали ей своим влиянием, тогда как французское правительство нисколько не пыталось скрыть своей антипатии и отвращения к конституционалистам, на восстание которых оно смотрело с неудовольствием, — восстание, которое впоследствии ему предстояло подавить или, вернее сказать, уничтожить. Впрочем, в ту пору политического брожения этот пример был слишком вреден для его интересов и бесконечно заразителен, чтобы оно не стремилось его уничтожить.

Либералы Пиренейского полуострова направили в Париж для переговоров со своими политическими единомышленниками одного из важнейших участников этого восстания, графа Х..., который поселился на улице Комартен.

Вскоре полиция узнала о прибытии и действиях испанского посланца. Ей стало известно, что он постоянно встречался с наиболее решительными либералами столицы, что в доме знатного графа проходили тайные совещания, на которых обсуждались политические вопросы, противоречащие системе, которой придерживалось французское правительство, и в конце концов она предписала графу покинуть столицу в течение двадцати четырёх часов. Чтобы удостовериться, что испанец действительно покинул Париж, у его дверей установили наблюдение. Но это средство, казавшееся безошибочным, напротив, привело к тому, что осталось неизвестным, уехал он или нет, и вот каким образом: около полуночи соседи, заметив двух мужчин, прятавшихся в тени ворот и старавшихся не попадаться на глаза прохожим, приняли их за воров и стали преследовать до самого бульвара. Агенты, которые, быть может, были не слишком огорчены этим происшествием, воспользовались случаем и отправились спать.

На следующий день они доложили в префектуру о непредвиденных обстоятельствах, при которых их наблюдение прервалось, и с тех пор от всякого наблюдения отказались. Однако

в течение нескольких дней агенты ещё ходили расспрашивать консьержа, жильцов и домовладельца, уехал ли испанец: никто из них не знал, что с ним стало, а его слуга невозмутимо отвечал на все вопросы: «Господин граф в Лондоне; я остаюсь здесь только для того, чтобы уложить чемоданы, и через несколько дней отправлюсь к нему».

Префект был в отчаянии.

Господин Дабасс, мой офицер охраны порядка, видя, что дело нисколько не продвигается, однажды сказал господину генеральному инспектору Фудра:

— Думаю, нам нелегко будет довести это дело до конца. Однако мне пришла одна мысль: вы помните наблюдение на улице Ле-Пелетье и то, как Канлер сумел выйти из положения; поговорите с ним сами и поручите ему достоверно установить, как обстоят дела. Думаю, он добьётся успеха.

Господин Фудра велел вызвать меня и объяснил, чего ожидает от меня.

Для своего предприятия я остановился на следующем способе:

Я отправился к одному из моих прежних товарищей по полку, который служил лакеем у пожилой вдовствующей дамы из предместья Сен-Жермен; я объяснил ему, какую услугу рассчитываю получить благодаря его любезности. Он тотчас надел свою ливрею; затем мы направились на улицу Комартен, где он со всех ног бросился бежать и ворвался в дом, в котором жил мой невидимка.

— Эй, приятель! Что вам нужно? — крикнул консьерж.

Но тот и не подумал отвечать и огромными шагами взбежал по лестнице. Добравшись до двери знатного испанца, он уверенно позвонил, а когда слуга пришёл открывать, стремглав ворвался в квартиру, притворяясь совершенно запыхавшимся и бормоча что-то невнятное или, точнее, нечленораздельное, затем, не дав лакею опомниться от удивления, смело прошёл через переднюю, гостиную, спальню и наконец в библиотеке, примыкавшей к последней, увидел того, кто так долго расстраивал все хитрости полиции: тот небрежно развалился в кресле, читал газету и курил сигару-панателлу. Не подавая виду, что заметил его, он бросился к окну, выходящему в сад, поспешно распахнул его, высунулся, глядя то вправо, то влево, и стал кричать: «Фифи! Фифи! Фифи!» На повторные вопросы последовавшего за ним слуги он разразился причитаниями, объясняя, что упустил попугая своей госпожи, герцогини Х***, и ему показалось, будто птица села сперва на это окно, а затем на дерево напротив; но в конце концов, прибавил он, раз её здесь нет, я ухожу... и среди каждой фразы он выкрикивал: «Ах, Боже мой! Я пропал! Госпожа герцогиня от этого заболеет! А меня выгонят!..» Во время этой сцены, длившейся целых пять минут, граф не шевельнулся в кресле; мой друг удалился, осыпая слугу извинениями и всё ещё делая вид, что не заметил хозяина.

Я доложил об успехе своей хитрости, и на следующий день испанского посланца вежливо препроводили до границы.

Заканчивая эту главу, я считаю нужным упомянуть одну особенность той эпохи, когда Францию разделяли две партии.

Почти в то же самое время, когда восстание на острове Леон изменяло систему правления в Испании, Боливия стояла во главе сторонников независимости, а испанцами командовал генерал Морильо, против метрополии восстал генерал Боливар.

Французские либералы, желавшие победы Боливару, воспользовались случаем, чтобы ввести в свой костюм отличный знак своих взглядов; в качестве головного убора они выбрали шляпу с плоскими широкими полями, которую называли «боливаром», и стали носить длинный плащ, передняя часть которого была отделана малиновым бархатом; эту часть перекидывали через левое плечо так, чтобы бархат был виден: такой одежде дали название «кирога» по имени одного из вождей восстания испанской армии на острове Леон.

Роялисты, со своей стороны, чтобы отличаться от них, приняли очень выгнутую шляпу, поля которой по бокам были почти свёрнуты, тогда как спереди и сзади они опускались, обра-

зую подобие клюва; этот головной убор называли по имени испанского генерала «морильо»; плащи у них были такие же, как у либералов, только бархат на них был чёрным.

XI

УЛИЧЕНИЕ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В июне 1821 года господин Фудра, генеральный инспектор, вызвал меня к себе в кабинет и обратился ко мне со следующими словами:

— Господин префект состоит в самых близких отношениях с госпожой графиней де Б***, принадлежащей к одному из самых знатных семейств соседнего королевства; её единственная дочь замужем за господином графом де Д***, её соотечественником. Между тем с некоторого времени госпожа графиня де Д*** каждый четверг около полудня выходит из своего особняка на улице Сен-Лазар одна и пешком и никогда не возвращается раньше трёх или четырёх часов пополудни. Куда она ходит? Этого никто не знает; но её мать чрезвычайно обеспокоена этими продолжительными отлучками, ибо приблизительно с того же времени молодая графиня познакомилась с неаполитанским эмигрантом, молодым человеком весьма знатного происхождения и самой приятной наружности. Госпожа графиня де Б***, движимая материнской заботой, опасается, что её дочь поддерживает отношения с этим молодым итальянцем, отношения, о которых рано или поздно узнал бы её муж, человек ревнивый и вспыльчивый, способный, быть может, дойти до какой-нибудь прискорбной крайности.

Итак, вот что вам пока предстоит сделать: вы будете наблюдать за молодой графиней в четверг, когда она выйдет из дома; вам надлежит точно установить, куда она направляется, и постараться узнать, встречается ли она с этим молодым эмигрантом. Но хорошенько запомните, что поручение, возлагаемое на вас господином префектом, требует величайшей осмотрительности; внимательно наблюдайте и не заходите дальше этого; главное, будьте осторожны.

Я оставил господина Фудра и отправился на улицу Сен-Лазар, чтобы осмотреть окрестности особняка и по возможности подготовить всё необходимое. Было ещё только среда; следовательно, у меня оставалось достаточно времени, чтобы принять меры. Прежде всего следовало заранее увидеть молодую графиню и запечатлеть её черты в памяти, чтобы на следующий день иметь возможность следовать за ней.

Сделав вид, будто у меня есть дело к графу, я обратился к консьержу особняка, который ответил, что его жилец занимает квартиру на втором этаже, в глубине двора. Я направился к указанному корпусу здания, переступил порог портика, поднялся по лестнице и спустя мгновение спустился обратно, словно побывал у этого господина. Теперь я знал, где находятся окна квартиры, но мне ещё предстояло заставить молодую графиню показаться в одном из них. Выйдя на улицу, я размышлял, к какой хитрости прибегнуть, когда заметил одного из маленьких итальянцев, которые носят с собой обезьянку и заставляют её плясать, чтобы получить милостыню от прохожих или жильцов домов, во дворы которых они нередко заходят. Мне тотчас пришло в голову, что с помощью этого маленького нищего я смогу добиться своей цели. Я подошёл к нему, вложил ему в руку два франка и велел войти во двор, который только что покинул, а там щипать и дразнить свою обезьянку так, чтобы она кричала как можно громче и привлекала внимание жильцов. Маленький итальянец, обрадованный моей щедростью, поспешил повиноваться. Я последовал за ним на некотором расстоянии и вновь вошёл во двор как раз в тот момент, когда животное, разъярённое тем, что хозяин его дразнил, испускало такие пронзительные крики, что все окна уже были заполнены жильцами, удивлёнными столь необыкновенным шумом. Случилось именно то, что я предвидел: молодая графиня появилась вместе с мужем у одного из своих окон, и я смог вволю рассмотреть её. Отныне я знал, с кем мне предстояло иметь дело.

На следующий день, в десять часов, я занял место, откуда мог прекрасно видеть всякого, кто входил в особняк или выходил из него. За несколько минут до полудня я увидел, как молодая графиня вышла из дома, свежая и нарядная, какой бывает всякая женщина, отправляющая-

яся к тому, кого любит; но тут же началась и самая трудная часть моего поручения. Женщина, которой дороги её имя, положение и репутация, не может не испытывать некоторой тревоги, когда совершает проступок; совесть её, как бы она ни заблуждалась, восстаёт, и она испытывает болезненное содрогание при мысли, что её могут разоблачить.

Поэтому мне пришлось принять величайшие предосторожности, чтобы не вызвать подозрений графини, и, следуя за ней тем не менее словно тень, я увидел, как она прошла по улице Клиши и направилась к заставе, где молодой итальянец ожидал её в наёмной карете с опущенными шторами.

Экипаж сначала двинулся рысью, но вскоре лошади перешли на шаг и медленно пошли по окружной дороге до заставы Трона. Там экипаж повернул обратно и проследовал тем же путём, которым приехал. Не доезжая немного до заставы Мартир, графиня вышла и вернулась домой, тогда как неаполитанец велел отвезти себя к себе на улицу Мартир.

Три четверга подряд я наблюдал за ними, и трижды повторялись одни и те же обстоятельства. Сомневаться больше не приходилось; поэтому я доложил о своих наблюдениях господину Фудра, который передал мой рапорт префекту.

Несколько дней спустя генеральный инспектор снова вызвал меня в свой кабинет и сказал, что мать графини, узнав о происходящем, желает, чтобы я застал любовников таким образом, чтобы они не могли отрицать своей близости, и чтобы в случае необходимости я сам сел в карету, приказав кучеру отвезти всех нас в кабинет префекта.

— Только, — прибавил господин Фудра, — вы понимаете, насколько трудно и деликатно подобное поручение; действуйте лишь тогда, когда будете совершенно уверены, и во всём проявляйте крайнюю осторожность: один неверный шаг не только погубит дело, но и навсегда лишит вас моего доверия. Хорошенько подумайте.

И я действительно задумался. Никогда прежде мне не поручали столь щекотливого дела, столь трудного для исполнения.

В следующий четверг я отправился поджидать молодую женщину и следовал за ней в течение двух часов, пока продолжалась её поездка в карете. Двадцать раз во время этой вынужденной прогулки вдоль стен у застав я приближался к этой катящейся коробке, внутри которой происходило нечто тайное, о чём я догадывался, но чего не мог застать собственными глазами, и двадцать раз поспешно удалялся, опасаясь какой-нибудь неловкости.

Итак, я видел, что мне необходимо принять решение, которое дало бы мне возможность исполнить моё деликатное поручение, и напрасно ломал голову, ничего не находя. Ночь, говорят, приносит совет; никогда прежде я не убеждался в истинности этой поговорки столь неопровержимо, как в данном случае. Я лёг спать в отчаянии, а поднялся спокойным и с ясной головой; я нашёл если не верный успех своего предприятия, то по крайней мере возможность довести его до благополучного конца. В следующий четверг я тщательно оделся и, вместо того чтобы идти на улицу Сен-Лазар, к особняку графини, направился прямо к заставе Клиши. Было без четверти двенадцать, и на площади стояла всего одна наёмная карета. Я подошёл к кучеру, хлопнул его по плечу и сказал: — Послушай, приятель, тут можно заработать луидор! Произнося эти слова, я пощёлкивал между пальцами прекрасной золотой монетой, только что вышедшей из чеканки.

Почтенный кучер повернул ко мне свою хмельную физиономию и некоторое время смотрел на меня с туповатым видом.

— А что для этого нужно сделать, хозяин? — решил он наконец ответить.

— Самую простую вещь на свете. Вы останетесь здесь; я же встану возле решётки; вы будете отказывать всем, кто попросит вас подвезти, потому что мне нужно, чтобы вы оказались в распоряжении одного господина, который вот-вот должен появиться, и я подам вам знак; вы предложите ему свою карету, он сядет в неё и велит вам ждать, пока к нему не присоединится одна дама; тогда он прикажет вам ехать шагом по окружной дороге.

Вот в какой момент и каким образом вы сможете заработать свой луидор: вы устроитесь так, чтобы видеть, оставаясь незамеченным, что будет происходить внутри вашей кареты; вам нечего опасаться, это двое влюблённых, которые заняты друг другом больше, чем вами, и в известный момент вы предупредите меня жестом; я буду следовать за вашей каретой шаг за шагом.

— Ей-богу, хозяин, можете быть уверены, что ваша монета уже заработана.

В четверть первого прибыл итальянец; вскоре на свидание явилась молодая графиня, и влюблённая пара отправилась в путь, более или менее подсакивая,

На благородных подушках нумерованного экипажа.

Между заставой Комба и заставой Шопинетт кучер обернулся и сделал мне выразительный знак, чтобы дать понять, что настал подходящий момент.

Я бросился к дверце кареты, резко распахнул её и застал обоих любовников за преступной беседой, как выражаются наши соседи по ту сторону Ла-Манша.

Оба остоленели и не шевелились, словно окаменели; но поскольку, придя в себя после первого потрясения, молодой итальянец всё же мог попытаться оказать сопротивление, я обернулся к агентам, существовавшим лишь в моём воображении, но которые, как могли подумать мои голубки, вполне могли скрываться позади кареты:

— Господа, — сказал я громким голосом, — садитесь обратно в свою карету и следуйте за нами в префектуру полиции.

Затем я сам вскочил в карету. Кучер, который всё понял, стегнул своих кляч, и вскоре я смог доставить обоих в кабинет господина Фудра, который сам отвёл их к префекту.

Я ожидал упрёков со стороны неаполитанца, слёз со стороны женщины; но ни тот ни другая не пошевелились за всё время, пока находились в карете, и, забившись каждый в свой угол, с опущенными головами и глазами, почти не подавали признаков жизни.

На следующий день молодой итальянец получил паспорт с предписанием покинуть Францию в течение двадцати четырёх часов, а молодая графиня, подобно ворону Лафонтена, с сердцем...

... пристыжённым, смущённым,

Поклялась, но несколько поздно, что больше на этом не попадётся.

XII

КРАЖА У ПОСЛА НЕАПОЛЯ

В кабинете неаполитанского посла была совершена кража драгоценностей. Господин Анри, начальник второго отделения, и Видок, начальник сыскной бригады, по приказу префекта отправились в здание посольства, чтобы произвести тщательное расследование. Допросив прислугу, осмотрев помещения и убедившись, что никаких следов взлома не было, они заявили, что, по их мнению, дверь кабинета была плохо заперта или по забывчивости оставлена открытой и ловкий вор из тех, что входят в дом со словами «добрый день», воспользовался этим обстоятельством, чтобы совершить кражу. Видок добавил, что вскоре схватит виновного; прошёл месяц, а вор так и не был арестован.

В ту пору, как я уже говорил, офицеры охраны порядка ведали в своих округах как муниципальной полицией, так и сыскной службой; Видок же, со своей стороны, занимался сыскной службой во всей столице. Такое соперничество в служебных обязанностях породило между офицерами охраны порядка и начальником сыскной бригады не только зависть, но и ненависть.

Господин Дабасс, мой офицер охраны порядка, принадлежавший к числу тех, кто сильнее всего ненавидел Видока, задался целью раскрыть эту кражу, чтобы сбить с Видока спесь, которой тот кичился. С этой целью он вызвал меня и сказал: «Начальник сыскной бригады до сих

пор не сумел найти похитителя драгоценностей, украденных в посольстве Неаполя; я рассчитываю на вас, чтобы вы обнаружили вора, и вот каким образом: я познакомился в Испании со слугой по имени Арман, который был мне обязан; теперь он служит у неаполитанского посла; я передам вам для него письмо, и, быть может, сведения, которые он вам сообщит, помогут вам выйти на след виновного; как только это будет сделано, ваша проницательность и ваши полицейские способности довершат остальное».

Арман полностью предоставил себя в моё распоряжение и провёл меня по разным помещениям особняка. Войдя в комнату, где произошла кража, я заметил, что на двери установили новый замок; я указал на это своему провожатому, сказав, что хотел бы осмотреть прежний замок; он отправился за ним. Я отвинтил внутреннюю пластину и увидел, что в той части, где поворачивается ключ, когда отпирают или запирают дверь, имелись небольшие царапины, которые мог оставить только плохо подогнанный поддельный ключ. Тогда я предположил, что кражу совершил не профессиональный вор, а кто-то из служивших в особняке, ночью проникший в кабинет при помощи плохо сделанного ключа или отмычки.

Я спросил моего собеседника, почему, обходя особняк, я не встретил ни одного слуги?

— Все они, — ответил он мне, — завтракают в буфетной. Этот ответ навёл меня на мысль, что неожиданное появление постороннего среди собравшихся слуг, быть может, вызовет у виновного некоторое волнение, по которому я сумею его распознать, будь то по его поведению или по его взглядам. Кроме того, я знал по опыту, что начинающий вор всегда выдаёт себя при такой проверке. Поэтому я попросил Армана представить меня своим товарищам как одного из его друзей. Моё появление произвело ожидаемое действие: все сперва посмотрели на меня, а затем продолжили есть. Но вскоре молодой человек лет двадцати несколько раз бросил на меня пристальные и беспокойные взгляды, которые, казалось, говорили: «Кто ты такой? И что ты здесь делаешь?..»

Когда мы вышли из буфетной, я попросил своего спутника сообщить мне кое-какие сведения об этом юноше. — Он пользуется, — ответил тот, — доверием посла; но я думаю, что совершенно незаслуженно, ибо мне не раз приходилось замечать, что он хитёр и лицемерен. После такой оценки у меня уже не оставалось никаких сомнений в его виновности. Я доложил об этих обстоятельствах и одновременно попросил предоставить в моё распоряжение инспектора Гайетти, чтобы установить наблюдение за этим человеком.

Прошло три дня, в течение которых мы его не видели; но на четвёртый, как только послу подали завтрак, мы увидели, что он вышел из особняка и направился к Гро-Кайю, поминутно оглядываясь, чтобы удостовериться, что за ним никто не следит. Это обстоятельство окончательно убедило меня в том, кто совершил кражу: он был передо мной! Дойдя до середины эспланады Инвалидов, он вдруг обернулся и направился прямо ко мне; тогда я сделал вид, будто его не замечаю, пообещав себе впредь соблюдать осторожность. Я велел Гайетти надеть рабочую блузу и кепку, чтобы успешнее следить за нашим вором; сам же шёл за товарищем, который на каждом углу улицы чертил мелом на стене знак, показывая мне, что он продолжает идти по этой улице либо свернул направо или налево.

Так мы добрались до Люксембургского сада, где наш неаполитанец встретился с человеком, ожидавшим его; они более часа прогуливались вместе. Мой товарищ прошёл мимо них, чтобы уловить несколько слов их разговора: они говорили по-неаполитански, и, хотя Гайетти сам был итальянцем, он всё же ничего не смог понять.

Наконец они расстались, один пошёл направо, другой налево. Я оставил Гайетти наблюдать за слугой, а сам последовал за незнакомцем, который привёл меня на улицу Турнон, дом 14, где я выяснил, что он неаполитанец и что к нему приходит лишь один человек — его двоюродный брат, слуга неаполитанского посольства.

— Больше никаких сомнений! — сказал я себе, — этот человек укрывает похищенные драгоценности! Мы продолжали наблюдать за обоими в течение четырёх дней без всякого

результата, но на пятый день я находился на своём посту с шести часов утра, ожидая выхода моего незнакомца, когда около двух часов увидел, как молодой неаполитанец вошёл в дом своего двоюродного брата и вскоре вышел вместе с ним, чтобы отправиться в Люксембургский сад, где они, усевшись на скамью, принялись весьма оживлённо беседовать вполголоса. Мой товарищ, который пришёл ко мне, прошёл позади них, но сумел расслышать лишь одно слово: паспорт.

Выйдя из сада, они отправились на улицу Дофин купить большой чемодан, который двоюродный брат унёс к себе, а слуга вернулся в посольство. На следующий день в десять часов мой незнакомец отправился к полицейскому комиссару своего квартала, чтобы просить паспорт для поездки на родину. Со своей стороны, Арман, с которым я продолжал поддерживать отношения, сообщил мне, что молодой слуга попросил у посла паспорт, чтобы отправиться к матери, которая, по его словам, была опасно больна.

Это совпадение просьб о паспортах не могло оставить никаких сомнений в намерении двух двоюродных братьев скрыться от полицейских розысков, увезя с собой похищенные вещи. Я представил своему офицеру охраны порядка донесение обо всех этих обстоятельствах, и, хотя посол решительно отказался подавать официальную жалобу, префект всё же счёл необходимым выдать ордер. Обыск, произведённый в доме на улице Турнон, привёл к обнаружению похищенных драгоценностей; обоих неаполитанцев передали послу, который немедленно отправил их в Неаполь.

Префект ознакомил посла с моими донесениями, и тот распорядился вручить мне в качестве вознаграждения 500 франков, которые я разделил с Гайетти.

XIII

ПОБЕГ ИЗ СЕНТ-ПЕЛАЖИ И ЛЕЧЕБНИЦЫ

Вследствие беспорядков, вызванных в июне 1820 года законом о двойном голосовании, командир эскадрона Дювержье, чьи бонапартистские убеждения были хорошо известны и который в 1815 году организовал вольные отряды и федератов Кальвадоса, был арестован по двум обвинениям: 1° в том, что возглавлял скопление более двадцати вооружённых человек; 2° в том, что оказал сопротивление представителям власти и возбуждал среди граждан ненависть друг к другу и стремление к гражданской войне.

По этим двум пунктам обвинения он был приговорён к пяти годам тюремного заключения.

Дювержье содержался в Сент-Пелажи, но преданные друзья составляли для него план побега, и меры были приняты столь искусно, что он бежал в одно мгновение. Оказавшись за тюремными запорами, труднее всего было избежать полицейских розысков и добраться за границу.

Как только стало известно о побеге, полиция принялась за поиски и, не зная, в каком направлении вести расследование, определила круг всех друзей и знакомых командира эскадрона и установила за ними деятельное наблюдение. Они придумали одно из самых простых средств, которое именно благодаря своей простоте ускользнуло от проницательности тех, кому было поручено разыскивать беглеца. Они отправились к некоему господину Х***, врачу, содержавшему лечебницу и хорошо известному своей преданностью Бурбонам и пылкостью политических убеждений.

— Сударь, — сказали они ему, — мы пришли доверить вашей чести дело чрезвычайно щекотливое. Командир эскадрона Дювержье, наш друг, осуждённый, как вам известно, за июньские беспорядки, сумел бежать из тюрьмы; к несчастью для него, сразу после побега он опасно заболел и сейчас находится в таком состоянии, что ещё некоторое время не сможет покинуть Париж. Лечить его на дому означало бы подвергнуть опасности обнаружения; поэтому мы и обратились к вашей всем известной честности и, хотя придерживаемся иных взглядов, пришли спросить вас: позволите ли вы порядочному человеку умереть без помощи

или, обещав нам сохранить тайну, согласитесь принять его в своё заведение и вернуть ему здоровье?

Господин Х*** обещал хранить об этом деле полнейшее молчание, принять больного и ухаживать за ним из милосердия.

Друзья Дювержье ушли, смеясь над успехом своей уловки, и, как они и предполагали, произошло следующее: едва врач избавился от посетителей, как поспешил в префектуру сообщить полиции, что в тот же день командир эскадрона Дювержье, тяжело больной, будет доставлен в его лечебницу людьми, которые помогли ему бежать. Префект, уверенный, что схватит его в этой своего рода мышеловке, поручил офицеру охраны порядка Д*** принять необходимые меры для ареста беглеца и тех, кто будет его сопровождать.

Дельпеш, Гайетти и я были поставлены для наблюдения на участке земли возле полуразвалившейся хижины напротив заведения врача.

Выбор именно нас для такого дела был нам весьма неприятен, ибо все трое, осуждая бесчестные средства, порождаемые политическими страстями, мы инстинктивно пришли к одной и той же мысли. Оставшись одни, мы решили сделать всё от нас зависящее, чтобы наше поручение не увенчалось успехом; для этого мы расположились так, что Дювержье, прибыв, никак не мог бы нас не заметить и, естественно, должен был бы тогда повернуть обратно.

Но все наши старания быть замеченными оказались совершенно напрасными, поскольку беглый заключённый так и не появился. Мы находились на своём посту уже четыре дня, когда офицер охраны порядка Д*** явился приказать нам прекратить наблюдение в десять часов вечера, если не произойдёт ничего нового. Мы приняли этот приказ тем с большим удовольствием, что стоял январь, погода была очень суровой и мы, расположившись на своего рода строительном дворе, открытые всем непогодам этого времени года, изнывали от нетерпения и холода.

Что же касается командира эскадрона Дювержье, то благодаря уловке, к которой прибегли его друзья, он спокойно покинул Францию, пока с нетерпением ожидали, что он сам придёт и отдастся в руки полиции.

XIV

КОНГРЕГАЦИЯ В ПРЕФЕКТУРЕ ПОЛИЦИИ

Король Людовик XVIII, обладавший выдающейся рассудительностью, сумел среди забот изгнания оценить, сколь велики были перемены, происшедшие во французском обществе с 1789 года; поэтому, вступая на престол, он твёрдо намеревался считаться с новыми идеями, порождёнными всеми потрясениями, через которые прошла Франция; к несчастью, высокая разумность, руководившая им, не находила понимания у всего его окружения. Многие эмигранты вернулись с намерением вновь завоевать свои прежние привилегии при помощи абсолютизма монархии, основанной на божественном праве, и дух, вдохновлявший их, обрёл воплощение в Обществе Иисуса. Этот знаменитый орден воспользовался их старой ненавистью и, чтобы разрушить мудрые намерения короля, организовал грозную партию конгрегации, которая вскоре образовала тайное правительство, связанное со всеми европейскими дворами.

Во время конгресса в Ахене конгрегация отправила в этот город одного из наиболее преданных своих членов, маркиза де М***; префект полиции послал туда офицера охраны порядка Бюргера и двух агентов для наблюдения за французским послом и установления связей со слугами высокопоставленных лиц, участвовавших в конгрессе. Один из агентов был братом офицера охраны порядка, а другой, по имени Луи, — его шурином; они едва не раскрыли интригу, орудием которой служили, поскольку однажды были застигнуты при попытке шпионажа; однако Бюргер оказался достаточно ловок, чтобы выручить их из этого затруднительного положения, не выдав тайны их поручения.

Что же касается маркиза, то он вскоре установил отношения с министрами иностранных держав; человек весьма любезный, но вместе с тем непреклонно упорный в своих замыс-

лах, он обладал даром убеждения, столь пагубным для противной стороны в дипломатических делах, и ему было поручено противодействовать герцогу де Ришельё, которому король доверил добиться немедленного вывода союзных армий из Франции.

Маркиз действовал так искусно, что, склонив министров на свою сторону, доказал им, будто, как только иностранные войска будут выведены, Франция вновь окажется под игом бонапартистов, которые только и ждали этого обстоятельства, чтобы поднять восстание; но герцог де Ришельё, пользовавшийся совершенно особым благоволением российского императора, не признал себя побеждённым и обратился непосредственно к Александру, который тогда обладал решающим влиянием на союзников. Он представил ему действительное положение Франции и добился от этого государя освобождения французской территории от иностранных войск.

Тайное правительство разжигало один заговор за другим, чтобы напугать короля и внушить ему мысль, будто представительная система слишком слаба для обуздания революционных страстей; таким способом оно надеялось побудить Людовика XVIII уничтожить Хартию и восстановить абсолютное правление.

В ту пору чёрный кабинет, о котором столько говорили и существование которого столь упорно отрицали заинтересованные лица, действовал без передышки. Некому Лемуару, отличавшемуся необыкновенной ловкостью и сноровкой, было поручено вскрывать переписку, депеши послов и министров, а также письма, адресованные лицам, подозреваемым в либеральных взглядах. Сняв с них копии, он возвращал документу первоначальный вид, не оставляя ни малейшего следа совершённого вскрытия и не давая возможности заподозрить, что печать была нарушена. Письма простых частных лиц изымались на почте; но в отношении переписки французских министров и послов, аккредитованных при Тюильрийском дворе, требовалось больше предосторожностей, и перехватить её было труднее. Тем не менее способ был найден.

Один полицейский агент, бывший лакей графа Дарю, умевший под самой обыкновенной наружностью и простодушным выражением лица скрывать самого ловкого, самого тонкого, самого хитрого, самого изворотливого человека из всех, кого я знал в своей жизни, получил поручение золотом подкупать верность слуг, которым высокопоставленные лица доверяли перевозку депеш.

Добившись этого первого успеха, агент назначал неверному слуге свидание, на которое тот приносил доверенный ему документ. Наш хитрый приятель тотчас относил пакет в упомянутый кабинет. Лемуар с необычайной ловкостью немедленно снимал печати. Искусный писец снимал копию с депеши, которую проворно вкладывали обратно в конверт, где печати вновь прикладывались с точностью, способной обмануть самые проницательные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.